

«Героиня романа снимает ложь слой за слоем. В этом романе — вся немецкая трагедия». **BERLINER ZEITUNG**

БЕСТСЕЛЛЕР ВО ВСЕМ МИРЕ

АННЕТТЕ ХЕСС

НЕ МЕЩ КИЙ ДОМ

Выбор между правдой
и благополучием

Аннетте Хесс
Немецкий дом

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Хесс А.

Немецкий дом / А. Хесс — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-105821-0

1963 год. Для 24-летней Евы война – всего лишь туманное воспоминание из детства. Но прошло уже более двух десятилетий, и улицы Франкфурта теперь восстановлены, а вместо руин – новые здания. Ева уже готова начать новую жизнь вдалеке от родителей и сестры, выйдя замуж за богатого ухажера Юргена. Планы Евы расстраиваются, когда ее внезапно вызывает бойкий американский следователь и приглашает выступить переводчиком на трибунале, где будут судить нацистских преступников. Еве предстоит выбрать между лояльностью семье и близким и желанием раскрыть темные секреты прошлого своей страны.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-105821-0

© Хесс А., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Аннетте Хесс

Немецкий дом

Annette Hess
Deutsches Haus

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. Published in 2018 by Ullstein Verlag

© Шукшина Е., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Часть 1

Ночью опять случился пожар. На сей раз, должно быть, совсем недалеко от дома. Выйдя без пальто на улицу, запорошенную тонким слоем снега, она сразу почувствовала едкий запах. Он резко отличался от обычного зимнего дыма: жженная резина, обгорелые тряпки, расплавленный металл, а еще паленая кожа и волосы. Некоторые женщины в холода укутывали детей в овечьи шкуры. Не в первый раз Ева задумалась о том, кто же это творит, кто с некоторых пор задними дворами пробирается по ночам в многоквартирные дома и поджигает в парадных детские коляски. Сумасшедший или подросток – так считали многие. К счастью, до сих пор огонь не перекидывался на сами дома и пока никто не пострадал. В «Херти» новая коляска стоила сто двадцать марок. Не пустяк для молодой семьи.

«...Молодой семьи...» – стучало в голове. Ева принялась ходить взад-вперед по тротуару. Было морозно, но холода она не чувствовала, хоть и была только в новом голубом шелковом платье. Напротив, от волнения она даже вспотела. Поскольку ждала ни больше ни меньше как «счастья всей жизни», по презрительному выражению сестры. Ева ждала будущего мужа, который сегодня, в третье воскресенье адвента, решил представиться ее родным. Он был приглашен на обед. Ева посмотрела на наручные часы. Тринадцать часов три минуты. Юрген опаздывал.

Мимо медленно ехали машины. Воскресные водители. Лыдило. Слово придумал отец Евы специально для этого погодного явления: мелкая ледяная стружка плавно выпадала из облаков. Как будто кто-то стругал огромную льдину. Кто-то, кто предопределяет все. Ева подняла взгляд в серое небо над белесыми крышами и заметила, что за ней наблюдают: в окне на втором этаже над вывеской «Немецкий дом», прямо над буквой «о», стояла шатенка. Она смотрела на дочь. Мать не двигалась, но у Евы возникло такое ощущение, будто та прощается, и она быстро отвернулась. Сглотнула. Только не хватало сейчас заплакать.

Дверь ресторана отворилась, и вышел отец в белой рабочей куртке – тяжелый, надежный. Не глядя на Еву, он открыл стеклянную витрину, якобы чтобы поместить туда новое меню. Но Ева знала, оно будет только к карнавалу. На самом деле отец волновался. Он был очень привязан к дочери и ревновал к незнакомцу. Ева услышала, как отец тихонько что-то напевает – делает вид, что все, как обычно. Людвиг Брунс пел одну из народных песен, которые с таким удовольствием уродовал. К его огорчению, он был начисто лишен музыкального слуха:

Мы мурлычем у ворот,
И нам очень хорошо
Под ли-и-ипами.

У окна рядом с матерью появилась молодая женщина со светлыми взбитыми волосами. Она с преувеличенным волнением помахала Еве рукой, но та даже на расстоянии заметила, что Аннегрете невесело. Ей, однако, не в чем было себя упрекнуть. Она достаточно долго ждала, пока старшая сестра первой выйдет замуж. Но когда той исполнилось двадцать восемь лет, да к тому же она еще больше раздалась в ширину, Ева, по тайной договоренности с родителями, решила, что это правило более не действует. Все-таки она уже и сама почти что старая дева. Толпы ухажеров ее не осаждали. Родные не могли этого понять, так как Ева была здоровая, женственная – полные губы, тонкий носик, длинные натуральные светлые волосы, которые она сама стригла и искусно укладывала в пучок. Но взгляд ее часто выдавал какое-то беспокойство, будто она ждала катастрофы. Ева подозревала, что отпугивает мужчин.

Тринадцать часов пять минут. Юргена все не было. Вместо этого открылась соседняя с рестораном дверь и вышел Штефан. Брат был без куртки, что немедленно вызвало встревоженный стук и жестикуляцию матери в окне. Но упрямец не повернул головы: он же надел

оранжевую вязаную шапочку и такие же перчатки. Штефан тащил за собой санки, а около него пританцовывал Пурцель, черная такса, коварный, но искренне любимый всеми членами семьи пес.

– Фу, как воняет, – сказал Штефан.

Ева вздохнула:

– Только вас здесь не хватало! Не семья, а наказание.

Штефан принялся возить санки взад-вперед по тонкому слою снега, выпавшему на тротуар. Пурцель принялся к столбу, возбужденно обежал круг и наложил на снег кучу. От нее пошел пар. Полозья санок скрипели по асфальту. К скрипу добавился звук лопаты для уборки снега, с которой отец возился у входа. Ева увидела, как он схватился за спину и закрыл глаза. Опять у него боли, в чем он никогда не признается.

Людвига долго «чертовски мурыжило» в пояснице, как он говорил, а как-то утром в октябре он не смог встать. Ева вызвала «Скорую», в городской больнице сделали рентген и диагностировали грыжу. Отца прооперировали, и врач доходчиво объяснил, что ресторан придется закрыть.

Людвиг Брунс заявил, что ему нужно кормить семью. Как же это возможно на маленькую пенсию? Ему попытались внушить, что нужно не самому стоять у плиты, а нанять повара. Но Людвигу претила мысль пустить в свое царство чужака. Решением стал отказ от обедов, и с осени они были открыты только по вечерам. Оборот упал почти наполовину, но Людвиг стал чувствовать себя лучше.

Тем не менее Ева знала, больше всего отец хотел весной снова иметь возможность предлагать гостям обеды. Людвиг Брунс любил свою работу, любил, когда люди сидят веселой компанией, когда им вкусно и они довольные, сытые, навеселе идут домой. «Я удерживаю душу в теле», – любил говорить он. А мать отшучивалась: «Трактирная душа».

Наконец Ева замерзла и скрестила на груди руки, ее передернуло. Она очень надеялась, что Юрген уважительно отнесется к родителям. Ведь пару раз она уже была свидетелем того, с каким неприятным пренебрежением он обращается с официантами и продавщицами.

– Полиция! – крикнул Штефан.

Подъехала черно-белая машина с сиреной на крыше и двумя пассажирами в темно-синей форме. Штефан с благоговением уставился на них. Ева решила, что полицейские решили заняться сожженными колясками – осмотреть следы, опросить жильцов, не заметил ли кто ночью чего-нибудь подозрительного. Полицейские кивнули сперва Людвигу, затем коротко Еве. Они знали свой участок. Машина почти бесшумно проехала мимо и свернула на Кёнигштрассе. «Наверно, горело в тех новых розовых домах. Там живут несколько молодых семей. Молодых семей».

Тринадцать часов двенадцать минут. «Не придет. Передумал. Позвонит завтра и скажет, что мы не подходим друг другу. Разница в общественном положении, дорогая Ева, мы не можем сбрасывать ее со счетов». Хлоп! Штефан бросил в нее снежком, который попал прямо в грудь и ледком начал сползать за вырез платья. Ева схватила брата за свитер и притянула к себе.

– С ума сошел? Это совсем новое платье!

Штефан осклабился – так он демонстрировал, что ему стыдно. Ева не собиралась его отпускать, но в этот момент в конце улицы появилась желтая машина Юргена. Сердце у нее подпрыгнуло, как испуганный теленок. Ева прокляла свои нервы – она даже ходила к врачу. Надо дышать спокойно. Правда, у нее не получилось. Потому что, пока подъезжала машина, ей внезапно стало ясно: ничто не убедит ее родителей в том, что Юрген сделает их дочь счастливой. Несмотря ни на какие деньги. Ева уже различала лицо Юргена за лобовым стеклом. Он выглядел усталым. И серьезным. На нее он не смотрел. На какой-то ужасный момент Ева

подумала, что сейчас Юрген нажмет на газ и проедет дальше. Но тут он затормозил. Штефан заорал:

– У него черные волосы! Как у цыгана!

Юрген слишком близко подъехал к тротуару, и резиновые шины проскрипели по бордюру. Штефан схватил Еву за руку. Ева чувствовала, как в вырезе платья тает снег. Юрген выключил мотор и еще с минуту посидел в машине. Эту картину он не забудет: две женщины в окне над словом «дом», одна толстая, другая маленькая, думают, что их не видно; уставившийся на него мальчишка с санками; крупный отец с лопатой для чистки снега на пороге своего ресторана, готовый ко всему. Все они смотрели на него, как на обвиняемого, который впервые заходит в зал суда и садится на скамью подсудимых. Только взгляд Евы был другим. В нем светилась робкая любовь.

Юрген сглотнул, надел шляпу и взял с соседнего сиденья завернутый в шелковую бумагу букет цветов. Выйдя из машины, он подошел к Еве. Хотел улыбнуться, но вдруг почувствовал резкую боль в голени. Такса укусила.

– Пурцель! Пошел отсюда! – закричала Ева. – Штефан, гони его в дом! В спальню!

Штефан что-то пробурчал, но взял барахтающегося пса и понес его в дом. Ева и Юрген смотрели друг на друга, испытывая неловкость. Они не знали, как поздороваться на глазах у семьи. Затем пожали друг другу руки и заговорили одновременно.

– Прости, они у меня такие любопытные.

– Какая торжественная встреча! Чем обязан?

Когда Юрген отпустил руку Евы, отец, мать и сестра, покинув свои наблюдательные посты, исчезли, как кролики в норе. Ева и Юрген остались одни. На улице задувал ледяной ветер.

– Хочешь гуся? – спросила Ева.

– Уже несколько дней только об этом и мечтаю.

– Ты должен найти общий язык только с моим братом. Тогда все встанут на твою сторону.

Оба засмеялись, сами не зная чему. Юрген направился было ко входу в ресторан, но Ева развернула его к двери в дом. Она не хотела вести будущего мужа по полутемному залу, где пахнет пролитым пивом и мокрым пеплом. Через прихожую, где пол был натерт мастикой, по лестнице с черными перилами они прошли в квартиру, располагавшуюся над рестораном. После войны двухэтажный дом отстроили заново – бомбежкой его разрушило почти полностью. На следующее утро после ада под открытым небом стояла только длинная барная стойка, беззащитная перед всеми ветрами.

* * *

Наверху в дверях ждала мать, она улыбалась улыбкой, которой обычно пользовалась при общении с постоянными посетителями ресторана. «Сахарное лицо», как говорил Штефан. Надев двойные гранатовые бусы, позолоченные серьги со свисающими выращенными жемчужинами и золотую брошь в форме листика клевера, Эдит Брунс выставила на обозрение все свои украшения, чего Ева еще не видела. Ей вспомнилась сказка о елке, которую она читала Штефану. После Рождества та угодила на чердак, чтобы весной сгореть во дворе. А на сухих ветвях еще висят забытые остатки праздника. «Но все-таки подходит к третьему адвенту», – подумала Ева.

– Господин Шоррман, что же вы нам принесли за погоду? Розы в декабре? Где же вы их нашли, господин Шоррман?

– Мама, Шоорман, с двумя «о».

– Давайте вашу шляпу, господин Шоооорман.

* * *

В комнате, которую по воскресеньям использовали как столовую, гостя встретил Людвиг Брунс с ножницами для разделывания птицы. В знак приветствия он протянул гостю правое запястье. Юрген извинился. Снег.

– Ничего страшного. Пока все в рамках. Гусь огромный, шестнадцать фунтов. Ему нужно время.

К Юргену протиснулась сестра. Она нарисовала слишком черные стрелки на глазах и намазала губы слишком яркой оранжевой помадой. Аннегрета протянула Юргену руку и лукаво улыбнулась:

– Поздравляю. Это вам не бесплотные мечты.

Юрген не понял, имеет она в виду Еву или гуся.

* * *

Скоро все сидели за столом и смотрели на дымящуюся птицу. Рядом с ней в хрустальной вазе стояли принесенные Юргеном розы, похожие на похоронные. По радио тихо играла непонятная воскресная музыка. На буфете от тепла трех мерцающих свечек крутилась рождественская пирамида. Четвертую еще не зажигали. В центре пирамиды перед вертепом стояли ясли с новорожденным Младенцем, а также Мария и Иосиф. Вокруг них по вечному кругу мчались овцы, пастухи и волхвы на верблюдах. Никогда они не встретятся со Святым семейством, никогда не смогут преподнести Младенцу Христу свои дары. В детстве Ева очень жалела об этом и в конце концов, выдрав подарок у волхва-мавра, подложила его к яслям. На следующее Рождество маленькая красная коробочка исчезла, и с тех пор волхв крутился с пустыми руками. Коробочка так и пропала. Мать рассказывала эту историю каждый год перед Рождеством, когда приносила пирамиду с чердака. Еве тогда было пять лет, но она этого не помнила.

Отец разрезал гуся вдоль грудки.

– А он был живой? – Штефан вопросительно посмотрел на отца.

Тот подмигнул Юргену:

– Нет, это искусственный гусь. Только для еды.

– Тогда грудку!

И Штефан протянул отцу тарелку.

– Малыш, сначала гостю.

Мать взяла у Юргена дрезденскую тарелку с зеленым орнаментом в виде вьющихся растений и подставила мужу. Ева наблюдала, как Юрген незаметно осматривается. На просиженный диван мать набросила плед в желтую клетку. Для левого подлокотника она связала небольшую салфетку. Это было место отца; приходя с кухни, он садился туда и клал ноги на низкую мягкую табуретку, как рекомендовал врач.

На журнальном столике лежал еженедельник «Хаус-фройнд», раскрытый на кроссворде – на четверть разгаданном. Еще одна вязаная крючком салфетка защищала драгоценный телевизор. Юрген втянул носом воздух и вежливо поблагодарил за наполненную тарелку, которую поставила перед ним Эдит. Она развернула ее так, чтобы блюдо выглядело особенно аппетитно. При этом качнулись серьги. Отец, сменивший белую куртку на воскресный пиджак, сидел рядом с Евой. К щеке у него прилипла маленькая зеленая веточка. Вероятно, петрушка. Ева быстрым движением смахнула ее с мягкого лица. Отец задержал ее руку и, не глядя на дочь, коротко пожал.

Ева злилась на Юргена из-за этих оценивающих взглядов. Ну да, он привык к другому. Но должен же он видеть, как родители старались, какие они порядочные, любезные.

* * *

Сначала все ели молча. Аннегрета, как всегда в компании, откинулась на спинку стула и ковыряла еду, якобы не хотела есть. Потом, на кухне, она сметет с тарелки остатки, а ночью пойдет в кладовку за холодной гусятиной. Аннегрета протянула Юргену специи и подмигнула.

– Перца, господин Шоооорман? Или соли?

Юрген поблагодарил и отказался, что отец отметил, не поднимая глаз.

– Мою стряпню еще никто потом не солил и не перчил.

– Ева рассказывала мне, что вы работаете медсестрой. В городской больнице? – обратился Юрген к Аннегрете, которая пока оставалась для него загадкой.

Та пожала плечами, как будто об этом не стоит и говорить.

– А в каком отделении?

– В детском.

В последовавшей паузе все разобрали слова диктора по радио: «Бабушка Хильдегарда из Геры передает поздравления с третьим адвентом своим родным в Висбадене и особенно восьмилетнему внуку Хайнеру». Заиграла музыка.

Эдит улыбнулась Юргену:

– А чем вы занимаетесь, господин Шоооорман?

– Я изучал богословие. А теперь работаю на фирме отца. В руководстве.

– Товары почтой, так ведь? Ваша семья занимается рассылкой товаров по почте? – спросил уже отец.

– Папа! – толкнула его Ева. – Только не прикидывайтесь глупее, чем вы есть!

Повисла еще одна пауза, потом все рассмеялись, в том числе и Штефан, который не понимал, что к чему. Ева расслабилась. Они с Юргеном обменялись взглядами: «Сладится!» Мать сказала:

– У нас, конечно же, есть каталог фирмы «Шоорман».

Штефан фальцетом пропел рекламный слоган:

У Шоормана все есть, Шоорман все доставит.
Динг-донг. Динг-донг.

Юрген с деланой строгостью спросил:

– Вы ведь уже заказывали у нас товары? Это ключевой вопрос.

– Разумеется, – с готовностью ответила Эдит. – Фен для волос и дождевик. Мы остались очень довольны. Но вам стоит подумать о стиральных машинах. Не люблю покупать такие крупные вещи в «Херти». Там кого хочешь уболтают. А с каталогом можно спокойно подумать дома.

Юрген приветливо кивнул:

– Да, вы правы, фрау Брунс. Я и без того планирую некоторые перемены на фирме.

Ева одобительно посмотрела на Юргена. Тот прокашлялся.

– У меня болен отец. Он не сможет долго руководить фирмой.

– Как грустно это слышать, – сказала мать.

– А что с ним такое? – Отец протянул Юргену соусницу.

Но тот, не собираясь предоставлять дополнительную информацию, просто полил соусом мясо.

– Невероятно вкусно.

– Очень рад.

Ева знала, что у отца Юргена прогрессирует склероз. Юрген говорил с ней об этом всего раз. У отца бывают хорошие и плохие дни, но непредсказуемость нарастает. Ева еще не была знакома с отцом Юргена и его второй женой. В конце концов, сначала жених должен нанести визит родителям невесты. Ева и Юрген чуть не поссорились из-за того, нужно ли ему при первом знакомстве просить ее руки. Юрген был против. Если он так вот ввалится в дом к ее родителям, его могут счесть несерьезным. Или, хуже того, подумать, что уже что-то случилось. К решению они так и не пришли.

Ева пыталась понять по лицу Юргена, намерен ли он поговорить с ее отцом сегодня. Но взгляд жениха был непроницаем. Ева посмотрела на его руки, которые чуть напряженнее обычного держали нож с вилкой.

У нее еще не было с Юргеном «интимного общения», как это называл доктор Горф. А она была к нему готова, тем более что утратила невинность два года тому назад. Но Юрген имел четкие представления: никакой постели до свадьбы. Он был консервативен. Муж должен руководить женой. Уже на первом свидании Юрген смотрел на Еву так, будто читал у нее в душе, будто лучше нее самой знал, что для нее хорошо. А Ева, которая часто не знала, чего ей, собственно, хочется, ничего не имела против того, чтобы ее вели. Что в танцах, что в жизни. Кроме того, в результате этого замужества она поднимется по общественной лестнице. Из дочери борнхаймского трактирщика превратится в супругу почтенного предпринимателя. При этой мысли у нее кружилась голова, но головокружение было приятное.

* * *

После еды Ева с матерью сразу пошли на просторную кухню варить кофе. Аннегрета простилась. Ей нужно было в больницу на позднюю смену, ухаживать за грудничками. Кроме того, она заявила, что все равно не любит торты с масляным кремом.

Ева большими кусками нарезала «Франкфуртский венок». Мать, не отводя взгляда от вращающегося ножа маленькой электрической кофемолки, молола кофе. Когда шум утих, она сказала:

– Не очень-то он твой тип, доча. Я хочу сказать, что вот вспоминаю Петера Крауса и... Он ведь тебя просто обо...

– Только потому, что у Юргена темные волосы?

Ева испугалась. Было очевидно, что матери Юрген не понравился. А с ее мнением Ева считалась. Мимо хозяйки ресторана проходило бесчисленное количество людей, и она с первого взгляда могла отличить порядочного человека от непорядочного.

– Эти черные глаза...

– Мама, глаза у него темно-зеленые! Смотреть надо лучше.

– Да я что, решать тебе. К семье никаких претензий быть не может. Но я прямой человек, иначе не могу, дочь. Он не сделает тебя счастливой.

– Хотя бы познакомься с ним поближе.

Мать залила кипящую воду в фильтр с кофе. Поплыл запах дорогого сорта.

– Он весь в себе, Ева, а мне от этого не по себе.

– Да, он задумчивый. Вообще-то Юрген хотел стать священником...

– Боже упаси.

– Он четыре года изучал богословие. А потом познакомился со мной. И стало ясно, что целибата ему не выдержать.

Ева рассмеялась, но мать ее не поддержала.

– Он ведь бросил учебу из-за отца, да? Потому что нужно было заниматься фирмой?

– Да.

Ева вздохнула. Мать не расположена шутить. Обе стали смотреть на просачивающийся сквозь фильтр кипяток.

* * *

В гостиной Юрген и Людвиг разлили коньяк. Юрген чувствовал себя не в своей тарелке. Неумоимо играло радио. Юрген закурил и принялся рассматривать громоздкую картину маслом, что висела над буфетом. Болотистая местность на закате пылавшего за запрудой солнца. На сочном лугу пасутся коровы. Возле крестьянского дома женщина развешивает белье. На некотором отдалении справа еще одна фигура, но нечеткая, как будто ее втиснули задним числом. Невозможно было понять, кто это: пастух, муж крестьянки или странник.

Штефан, стоя на коленях, расставлял на ковре свою пластмассовую армию. Пурцелю было позволено выйти из спальни, он лежал на животе и, моргая, смотрел на солдатиков, которые готовились к бою у него под носом. Штефан выстроил длинные шеренги. А еще у него был заводной железный танк, он нетронутый лежал в коробке. Тем временем Людвиг в общих чертах излагал будущему зятю историю своей семьи.

– Да, я северянин, с Юста, оттуда родом, да это и слышно. Родители держали свой магазин. Они снабжали весь остров. Кофе, сахар, оконные стекла... У нас было все. В общем, как у вас, господин Шоорман. Моя мать рано умерла. Отец так и не смог пережить это. Уже пятнадцать лет как его нет. С Эдит, моей женой, я познакомился в гамбургском училище, где мы изучали гостиничное дело. В тридцать четвертом году, мы были еще совсем зеленые. Она из семьи музыкантов, трудно представить. И отец ее, и мать работали в филармонии. Он первая скрипка, она вторая. А дома было ровно наоборот. Теща моя еще жива, она живет в Гамбурге. Жена тоже должна была играть на скрипке, но у нее слишком короткие пальцы. Тогда она решила стать актрисой, но ей категорически запретили. И она захотела хоть посмотреть мир, вот ее и отправили в это училище.

– А вы как туда попали? – с доброжелательным интересом спросил Юрген.

Гусь ему очень понравился. Нравился и Людвиг Брунс, который с такой готовностью рассказывал о своей семье. Чувственный рот Ева унаследовала от него.

– «Немецкий дом» принадлежал кузену моей жены, он решил его продать. Подошло, как задница к ведру. Простите. Мы ухватились за эту возможность и в сорок девятом открылись заново. И ни разу об этом не пожалели.

– Да, Бергерштрассе – отличное место...

– Приличная ее часть, это нужно подчеркнуть особо, господин Шоорман!

Юрген мирно улыбнулся.

– Правда, у меня тут скрутило спину, и врач сказал, закрывайся, дескать. Я ему на пальцах объяснил про свою пенсию. Теперь мы открываемся только в пять. Но весной всё – хватит лодырничать!

Они замолчали. Людвиг хочет еще что-то сказать, Юрген видел это и ждал. Тот прокашлялся и отвернулся.

– Да-а, вот спина только, в войну началось.

– Ранение? – вежливо спросил Юрген.

– Я служил на полевой кухне. На западном фронте. Просто чтобы вы знали.

Хозяин допил остаток коньяка. Юрген слегка удивился. Он не заметил, что Людвиг Брунс только что солгал.

* * *

Паф-паф-паф! Штефан запустил свой танк, и теперь тот со страшным шумом ехал по ковру, как по болотистой местности на восточном фронте, давя одного солдатику за другим.

– Дружок, займись этим в прихожей!

Но Штефан смотрел только на Юргена. Тот опасался детской прямооты, однако вспомнил рекомендацию Евы завоевать симпатии маленького брата.

– Можно посмотреть твой танк, Штефан?

Штефан встал и протянул Юргену железную игрушку.

– Он почти вдвое больше, чем у Томаса Прайсага.

– Томас – это его лучший друг, – пояснил Людвиг, подливая еще коньяка.

Юрген выразил преувеличенное восхищение танком. Штефан взял с ковра одного солдата.

– Смотри, я его раскрасил. Это янки. Негр.

Юрген смотрел на маленькую пластмассовую фигурку, протянутую Штефаном. Она была цвета темной крови. Юрген закрыл глаза, но картинка исчезла не сразу.

– А Дед Мороз подарит мне автомат!

– Автомат... – с отсутствующим видом повторил Юрген и отпил большой глоток из рюмки. Сейчас воспоминания развеются.

Людвиг притянул к себе Штефана.

– Ты ведь еще не можешь этого знать, зайка.

Но тот вырвался.

– Я всегда получаю, чего хочу.

Людвиг бросил на Юргена извиняющийся взгляд.

– К сожалению, это правда. Он очень избалован. Мы с женой не рассчитывали, что у нас появится кто-то еще после девочек.

В этот момент в прихожей зазвонил телефон. Штефан первым оказался у аппарата и протараторил заученную фразу:

– Говорит Штефан Брунс из семьи Брунсов. Кто у телефона? – Он помолчал и крикнул: – Ева, это Кёртинг! Тебя!

Ева вышла из кухни, вытирая руки передником, и взяла телефонную трубку.

– Господин Кёртинг? Когда? Сейчас? Но мы тут...

Еву перебили. Она слушала и в открытую дверь смотрела на сидящих за столом мужчин. Ей показалось, что они вполне довольны друг другом.

– Да, хорошо, буду, – сказала она потом и положила трубку. – Юрген, прости, пожалуйста, мой начальник. Мне нужно на работу.

Мать вышла из кухни с подносом в руках, на котором стоял кофе.

– В вечер адвента?

– Судя по всему, это срочно. На следующей неделе мне нужно будет в суд.

– Ну что ж, как я всегда говорю, делу время – потехе час.

Людвиг встал. Юрген тоже.

– Нет-нет, вы остаетесь! Попробуйте «Франкфуртский венок».

– С настоящим маслом, – добавила Эдит. – Целый фунт!

– И ты еще не видел мою комнату!

* * *

Юрген проводил Еву до прихожей. Она переделалась, теперь на ней был простой деловой костюм. Помогая ей надеть светлое шерстяное пальто в клетку, Юрген с забавным отчаянием спросил:

– Ты ведь все это подстроила, да? Проверка? Хочешь оставить меня наедине с твоими и посмотреть, как я управлюсь?

– Они тебя не съедят.

– У твоего отца уже круги под глазами.

– Это от обезболивающих. Через час вернусь. Речь наверняка об этом возмещении убытков. Запчасти из Польши, они не работают.

– Подвезти тебя?

– Меня сейчас заберут.

– Я спущусь с тобой. Не хватало еще, чтобы ты оказалась скомпрометирована.

Ева натянула перчатки из оленьей кожи, подарок Юргена на День святого Николая.

– Единственный клиент, которому удалось меня скомпрометировать, это ты.

Они посмотрели друг на друга. Юрген хотел поцеловать Еву. Она утянула его в угол прихожей к вешалке, где их не могли видеть родители. Они обнялись, улыбнулись и поцеловались. Ева чувствовала возбуждение Юргена, видела в его глазах, что он желает ее. Любит? Она высвободилась.

– Прошу тебя, поговори с ним сегодня, хорошо?

Он ничего не ответил, и Ева вышла из квартиры.

* * *

Когда Юрген вернулся в гостиную, его за журнальным столиком ждали супруги Брунс, похожие на актеров в ожидании слова, на которое нужно подать свою реплику.

– Мы совсем не опасны, господин Шоорман.

– Абсолютно безобидны, господин Шоорман.

– Только Пурцель иногда кусается, – крикнул Штефан с ковра.

– Но попробуйте же торт.

Юрген опять оказался окружен теплом гостиной Брунсов.

* * *

Ева вышла на улицу. Уже стемнело. Посверкивал голубоватый снег, под фонарями лежали желто-оранжевые круги. Посреди улицы стояла большая машина с урчащим мотором. Водитель, молодой человек, нетерпеливым жестом подозвал Еву. Она уселась на соседнее с водителем сиденье. В машине пахло сигаретным дымом и мятой. Молодой человек жевал жвачку. Он был без шляпы и не подал Еве руки. Только коротко кивнул:

– Давид Миллер.

И дал газу. Водил он не очень хорошо, ехал быстро, скорость переключал слишком поздно или слишком рано. Ева не умела водить, но поняла, что автомобиль Давиду Миллеру незнаком. Да и вообще он плохой водитель. Несколько раз машина начинала скользить. Краем глаза Ева разглядывала молодого человека. У него были густые рыжеватые волосы, слишком длинные на затылке, веснушки, тонкие светлые ресницы и узкие руки, производившие странное впечатление детскости.

Было очевидно, что господин Миллер не заинтересован в поддержании разговора. Они молча ехали в центр, огни рекламы становились все ярче и пестрее. Начинал преобладать красный. В конце Бергерштрассе располагалось несколько соответствующих заведений. «У Сузи». Или бар «Мокка». Ева думала о Юргене, который сейчас вернулся к столу, представляла, как он сидит и ест приготовленный ею «Франкфуртский венок», хотя вряд ли чувствует вкус. Потому что наверняка нервно раздумывает, стоит навязывать ее родных своей семье или он все-таки хочет остаток жизни провести с ней.

* * *

Прокуратура располагалась в многоэтажном конторском здании на одной из центральных улиц города. Давид Миллер зашел с Евой в маленький лифт. Двойные двери закрылись автоматически, сначала одни, потом другие. Давид нажал на кнопку с цифрой восемь и поднял взгляд на потолок кабины, как будто чего-то ждал. Ева тоже посмотрела вверх на привинченный люк с бесчисленными маленькими дырочками. Вентиляционное отверстие. Ей вдруг стало тесно. Сердце забилося быстрее, во рту пересохло. Давид посмотрел на Еву – сверху вниз, хотя был ненамного выше. Ей показалось, что он стоит неприятно близко. Глаза его приобрели странное выражение.

– Еще раз, как вас зовут?

– Ева Брунс.

Лифт рывком остановился. На мгновение Ева испугалась, что они застряли. Но двери открылись. Они вышли, свернули налево и позвонили в тяжелую стеклянную дверь. С той стороны к ним засеменила девушка в зеленом и отперла дверь. Ева и девушка быстро оценили друг друга. Один возраст, похожие фигуры. У девушки были темные волосы, нечистая кожа, но ясные серые глаза.

Ева и Давид двинулись следом за ней по длинному коридору. Ева смотрела на облегающий костюм, который при каждом шаге образовывал на ягодицах складки, черные лодочки на отчаянно высоких каблуках. Наверно, купила в «Херти» на Хауптштрассе. Из комнаты в конце коридора слышались звуки, похожие на рыдания. Но чем ближе они подходили, тем рыдания становились тише. Когда наконец остановились у двери, стало тихо. Может, этот плач Ева просто себе придумала.

Девушка постучала и открыла дверь в удивительно тесный кабинет. Там сидели трое мужчин, окутанных сигаретным дымом. На столах, полках, на полу лежали бесчисленные папки. Один из мужчин, немолодой невысокий человек, прямой, как доска, сидел в центре комнаты на стуле, будто весь кабинет, весь дом, а может, и весь город были построены только для него.

Светловолосый мужчина помоложе в очках в золотой оправе протиснулся за заваленный документами стол. Расчистив себе небольшое пространство, он что-то писал и при этом курил сигарету, забывая стряхивать пепел. Как раз когда Ева на него посмотрела, на записи упал длинный столбик. Он механически смахнул пепел на пол. Ни тот ни другой не встали, что Ева сочла довольно невежливым.

Третий мужчина, какой-то узловатый, даже повернулся к ней спиной. Он стоял у окна и смотрел в темноту. Еве невольно вспомнился фильм о Наполеоне, который она смотрела вместе с Юргеном. Там герой стоял у окна именно в такой позе и, испытывая сомнения в разработанном им плане сражения, осматривал местность. Было хорошо видно, что пейзаж за окном нарисован на картоне.

Светловолосый мужчина, сидевший за столом, кивнул Еве и указал на мужчину на стуле.

– Это господин Йозеф Габор из Варшавы. Сегодня должен был приехать польский переводчик, но у него возникли трудности, связанные с выездом из страны. Его задержали в аэропорту. Прощу вас.

Поскольку никто из мужчин даже не пошевелился, чтобы помочь Еве, она сама сняла пальто и повесила его на вешалку за дверью. Светловолосый указал на стол у стены. Там стояли грязные чашки из-под кофе и тарелка с остатками печенья. Ева любила имбирное печенье, но сейчас попыталась удержаться. За последние несколько недель она поправилась на два килограмма. Ева так села за стол, чтобы видеть лицо господина Габора, и вытащила из сумки оба словаря – общий и экономический. Отодвинув тарелку с печеньем, она положила на это место словари и достала блокнот с карандашом. Зеленая девушка уселась с другой стороны стола, где стояла стенографическая машинка. С хрустом вставляя в нее бумагу, она не выпускала из виду светловолосого. Он был ей интересен, а она ему нет, Ева быстро это поняла. Давид Миллер тоже снял пальто и, перебросив его через колено, сел на стул у стены, как будто он тут ни при чем.

Все чего-то ждали, вроде выстрела стартового пистолета. Ева посмотрела на печенье. Узловатый человек отвернулся от окна и обратился к человеку на стуле:

– Господин Габор, пожалуйста, расскажите нам подробно, что произошло двадцать третьего сентября тысяча девятьсот сорок первого года.

Ева перевела вопрос, удивившись году. Больше двадцати лет назад. Значит, скорее всего, речь пойдет не о договоре, а о каком-то правонарушении. Хотя ведь срок давности уже истек? Человек на стуле посмотрел Еве прямо в лицо с явным облегчением от того, что встретил в этой стране хоть кого-то, кто его понимает. И начал говорить. Голос его находился в явном противоречии с прямой осанкой. Возникло ощущение, будто он читает выцветшее письмо и не может с ходу разобрать все слова. Кроме того, он использовал много просторечных выражений, представлявших для Евы определенную трудность. Переводила она, запинаясь.

– В тот день... было тепло, даже душно, мы должны были украсить окна. Все окна в одиннадцатом корпусе пансиона. Мы заделывали их мешками с песком, а щели заклеивали соломой, смешанной с землей. Мы очень старались, потому что нельзя было сделать ни одной ошибки... К вечеру работа была закончена. Потом они провели восемьсот пятьдесят советских гостей в подвал пансиона. И ждали темноты, думаю, чтобы лучше видеть свет. Потом они осветили подвал... через вентиляционные трубы... и заперли двери. На следующее утро двери отперли. Мы должны были войти первыми. Большинство гостей были освещены.

Трое мужчин смотрели на Еву. Ее слегка затошнило. Что-то не так. Правда, девушка невозмутимо продолжала печатать на машинке.

– Вы уверены, что правильно поняли? – спросил светловолосый.

Ева полистала экономический словарь.

– Простите. Я обычно перевожу договоры, то есть экономические вопросы... И переговоры по возмещению убытков...

Трое мужчин обменялись взглядами. Светловолосый нетерпеливо потряс головой, но узловатый человек у окна кивком успокоил его. Давид Миллер через комнату смотрел на Еву с явным презрением.

Ева взяла в руки общий словарь, тяжелый, как кирпич. Она открыла его и обнаружила, что не гости, а арестанты. Не корпус пансиона, а барак. И не свет. И не освещение. Ева подняла взгляд на господина Габора. Тот смотрел на нее так, как будто сознание его отключилось.

– Простите, я неверно перевела, – извинилась Ева. – Правильно будет: мы обнаружили, что арестанты были задушены газом.

В кабинете воцарилось молчание. Давид Миллер решил закурить. У него долго не срабатывала зажигалка. Вжик. Вжик. Вжик. Тогда светловолосый прокашлялся и сказал узловатому:

– Радоваться нужно, что мы вообще нашли замену. За такое время. Лучше, чем ничего.

– Давайте попробуем дальше, – ответил тот. – Что нам еще остается?

Светловолосый обернулся к Еве:

– Но если вы не уверены, лучше смотрите сразу.

Ева кивнула. Переводила она медленно. Девушка в зеленом все так же споро печатала на машинке.

– Когда мы открыли двери, часть заключенных еще была жива. Примерно треть. Слишком мало было газа. Процедуру повторили с удвоенным количеством газа. На сей раз, прежде чем открыть двери, мы ждали два дня. И акция увенчалась успехом.

Светловолосый встал из-за стола:

– Кто отдавал приказ?

Он отодвинул в сторону кофейные чашки и разложил на столе двадцать одну фотографию. Ева смотрела на них сбоку. Мужские лица на фоне выкрашенных белой штукатуркой стен, под подбородком номер. Но кто-то в залитом солнцем саду, кто-то играет с крупными собаками. У одного лицо, как у шимпанзе. Йозеф Габор встал и подошел к столу. Он долго смотрел на фотографии и вдруг так резко указал на одну, что Ева вздрогнула. На снимке довольно молодой человек посадил себе на загривок кролика и с улыбкой и гордостью демонстрировал его объективу. Мужчины в кабинете обменялись удовлетворенными взглядами и закивали.

«Отец тоже разводил кроликов», – подумала Ева. На участке за городом, где он выращивал и овощи для кухни. В небольших клетках сидели вечно жующие животные. Но когда Штефан догадался, что он не только гладит и кормит одуванчиками шелковистых зверят, но еще и ест их, с ним случилась страшная истерика. И отец избавился от кроликов.

Потом Еву попросили подписать перевод показаний. Подпись оказалась не такой, как обычно – неуклюжая, круглая. Как будто ее поставил маленький ребенок. Светловолосый кивнул ей с отсутствующим видом.

– Спасибо. Счет оформим через ваше агентство?

Давид Миллер поднялся со стула у стены и грубо сказал:

– Подождите в коридоре. Две минуты.

Ева надела пальто и, оставив Давида переговорить со светловолосым, вышла из кабинета. Она разобрала слова: «Не годится. Никуда не годится!» Светловолосый кивнул, потянулся к телефону и набрал номер. Узловатый тяжело опустился на стул.

Ева подошла к одному из высоких окон в коридоре и выглянула в темный задний двор. Пошел снег. Густыми тяжелыми хлопьями. В доме напротив Ева видела только бесчисленные черные безлюдные окна-глазницы. «Там никто не живет, – подумала она. – Сплошные конторы». На батарее под окном сушились три темные шерстяные перчатки. «Интересно чьи. И у кого это только одна перчатка?»

К ней незаметно подошел Йозеф Габор. Он коротко поклонился и вежливо поблагодарил. Ева кивнула в ответ. В открытую дверь кабинета ей было видно, как узловатый, сидя на стуле, наблюдает за ней. В коридор вышел Давид Миллер, на ходу надевая пальто.

– Я вас отвезу.

Было заметно, что ему это не доставляет удовольствия.

В машине они опять молчали. Беспокойно металась дворники, сметая со стекла бесчисленные хлопья снега. Давид был раздражен. Ева физически чувствовала его негодование.

– Простите, но это мой первый опыт. Обычно я занимаюсь только договорами... Ужасно то, что говорил этот человек...

Машина едва не задела фонарь. Давид тихо выругался.

– Вы имеете в виду, о чем он рассказывал? Военные события? – Давид не смотрел на Еву. – Вы же ничего не знаете.

– Простите?

– Для вас в тридцать третьем маленькие коричневые человечки прибыли на межпланетном корабле и приземлились в Германии, да? А в сорок пятом опять улетели, успев навязать вам, несчастным немцам, этот фашизм.

По мере того как он говорил, Ева все больше убеждалась в том, что он не немец. У него был легкий акцент, возможно, американский. И еще он тщательно произносил слова. Как будто все выучил заранее.

– Выпустите меня, пожалуйста.

– Вы одна из этих миллионов глупых куриц! Я это понял, как только вы сели в машину. Ничего не знаете, ничего не понимаете! Вам известно, что сделали вы, немцы?! Вам известно, что вы сделали?!

– Немедленно остановитесь!

Давид затормозил. Повозившись с дверной ручкой, Ева открыла дверь и вышла из машины.

– Давайте, бегите. Надеюсь, этот ваш пресловутый немецкий уют вас за...

Ева захлопнула дверь и пошла сквозь падающие хлопья снега. Внутри все замерло, ярость утихла. Тяжелая машина уехала. «Этот шофер, или кто он там, просто не в своем уме», – подумала Ева.

* * *

Машина Юргена, стоявшая перед «Немецким домом», исчезла. Место засыпал снег, как будто ее никогда тут и не было. Окна ресторана освещал теплый свет. Гул голосов слышался даже на улице. Предрождественские посиделки. Каждый год они приносили хороший доход. Ева смотрела на движущиеся фигуры за стеклом. Узнала мать, нагруженную тарелками, та как раз подошла к одному столу и быстро, проворно расставила блюда. Отбивные. Шницель. Гусь с красной капустой и бесчисленными клецками, которые отец, как волшебник, ловкими мягкими руками опускал в кипящую подсоленную воду.

Ева хотела войти, но медлила. На какое-то мгновение ей представился зев, который может ее поглотить. Но она взяла себя в руки. Господин Габор пережил ужасные события, но сейчас важнее всего, просил ли Юрген ее руки.

Когда Ева вошла в зал, наполненный подвыпившими радостными людьми, в человеческое тепло, в испарения гусиного жира, к ней, удерживая в равновесии полные тарелки, подошла мать в своей рабочей одежде: черная юбка, белая блузка, поверх белый передник и удобные бежевые туфли. Она с беспокойством прошептала:

– Что с тобой случилось? Ты упала?

Ева нетерпеливо покачала головой.

– Он спросил?

– Поговори с отцом. – И Эдит поспешила к клиентам.

Ева прошла на кухню. Отец – в белой куртке, темных брюках, поварском колпаке, с чуть выпирающим животом, что придавало ему несколько смешной вид, – трудился вместе с двумя наемными работниками.

– Ну что, поговорили? – шепотом спросила у него Ева.

Отец открыл духовку, и его окутало вырвавшееся мощное облако пара. Он, казалось, не услышал. Людвиг вытащил из духовки большую форму с двумя целыми коричневыми гусями.

– Славный молодой человек. Гуси удались. – На дочь он не смотрел.

Ева разочарованно вздохнула. Ей пришлось взять себя в руки, чтобы не расплакаться. Отец подошел к ней:

– Поговорим еще, доча.

* * *

Ночью Ева лежала в своей кровати и смотрела в потолок. Фонарь, что стоял перед домом, отбрасывал тень, похожую на всадника. Высокий человек с копьем. Дон-Кихот. Ева каждую ночь смотрела, как он колышется над ней, и спрашивала себя: «А с чем же я так попусту сражаюсь?» Она думала о Юргене и проклинала свой страх, что тот бросит ее на финишной прямой. Может, ему вообще не нужны женщины? Кто же захочет добровольно стать священником? Почему он до нее еще не дотронулся? Ева села в кровати, включила лампу на ночном столике, открыла ящик и достала письмо. Единственное письмо от Юргена, в котором были слова: «Я люблю тебя». Правда, перед этим была оговорка: «Если бы мне пришлось связать себя чувством, я бы вполне мог сказать...» И все-таки. В церемонной манере Юргена, которую он принимал, когда речь заходила о чувствах, это было эталонное признание в любви. Вздыхнув, Ева отложила письмо на ночной столик, погасила свет и закрыла глаза. Увидела кружащиеся хлопья снега, темный фасад с черными оконными глазницами. Наконец она уснула. И во сне видела не Юргена. Ей приснился пансион далеко на востоке. Пансион, обсаженный цветами и травами от непогоды, куда она назвала много гостей. Ева ухаживала за ними вместе с родителями, а гости бурно праздновали до самого утра. До тех пор, пока все не перестали дышать.

* * *

Понедельник. Город укрыл плотный снежный покров. Работники дорожных служб, завтракая на ходу, вели первые телефонные переговоры о сложной ситуации на дорогах. Потом их целый день в перетопленных кабинетах будут засыпать жалобами на нечищенные улицы и заявлениями о повреждении кузовов.

В ресторане «Немецкий дом» понедельник был выходным. Людвиг Брунс проспал до девяти, это у него называлось «еженедельный сон красоты». Аннегрета, которая только утром вернулась домой со смены, тоже еще не показывалась. Остальные члены семьи завтракали в большой светлой кухне, выходящей на задний двор. Высокую ель засыпало белым снегом, на ветвях неподвижно сидели вороны, они будто ошалели от снега. Штефан остался дома по причине якобы «зверской» боли в горле. Эдит Брунс с деланным равнодушием сказала:

– Ну конечно, если гулять по морозу без куртки...

Но потом растерла детскую грудь эвкалиптовой мазью, распространившей по кухне нежный запах, обмотала сына шалью и намазала ему третий кусок хлеба медом, помогающим при боли в горле. При этом она утешала Еву, которая с несчастным видом листала газету.

– Слишком разные миры. Я понимаю, что это привлекательно. Да войдешь ты туда. Подумать только, особняк... Знаю я тех, кто живет в горах. Какой там район, участки больше, чем десяток футбольных полей...

– А можно я там поиграю в футбол? – с набитым ртом спросил Штефан.

– Когда пройдет первая влюбленность, – продолжала Эдит, – тебе придется играть представительскую роль. Все время улыбаться и быть сильной. И не думай, что будешь часто видеть своего супруга. Он занимает такой важный пост, ты его вообще не увидишь. Будешь одна. А такая жизнь не для тебя, Ева. Ты заболеешь. У тебя слишком слабые нервы, твоя нервная конституция...

«Нервная конституция». Эти слова всякий раз раздражали Еву. Кто пишет эту нервную конституцию? А нельзя ли подобрать себе нервную конституцию, как подбирают одежду? Ева вспомнила пункт проката одежды «Броммер» у вокзала, душный, но волшебный магазин – темный, опасный, непролазный, как джунгли. В детстве она каждый год с удовольствием туда заныривала. И представляла себе, как на одной из вешалок между обшитыми рюшами королев-

скими платьями висит непрошибаемый костюм, защищающий нервную конституцию. Плетеный плащ в узлах из толстых веревок цвета сырого мяса. Непроницаемый, нервующийся, защита от всякой боли.

– Мама, всему можно научиться. Посмотри на Грейс Келли. Вчера актриса, сегодня принцесса.

– Для этого нужно родиться.

– И для чего, скажи на милость, я родилась?

– Ты нормальная молодая женщина, которой нужен нормальный муж. Может быть, ремесленник. Кровельщики очень хорошо зарабатывают.

Ева возмущенно запыхтела и только хотела презрительно высказаться обо всех ремесленниках, как взгляд ее упал на черно-белую фотографию в газете. На ней были изображены двое из тех мужчин, с которыми она вчера провела целый час в прокуренном кабинете: светловолосый молодой человек и немолодой мужчина со странной взвихренной прической. Они вели серьезный разговор. Подпись под снимком гласила: «Генеральный прокурор и его заместитель готовят процесс». Ева начала читать статью, разместившуюся на одной колонке. Выходило, что в городе уже на этой неделе начнется судебный процесс против бывших членов СС.

– Ева, ты меня не слушаешь. Я с тобой говорю. А вот Петер Рангкёттер? Он так долго за тобой ухаживал. У плиточника всегда будет работа.

– Мама, ты серьезно думаешь, что меня когда-нибудь будут звать фрау Рангкёттер?

Штефан захихикал и, размазывая мед по подбородку, принялся радостно повторять:

– Фрау Рангкёттер! Фрау Рангкёттер!

Ева, не обратив внимания на брата, указала матери на статью.

– Ты что-нибудь слышала об этом процессе? Это и был заказ, вчера.

Эдит взяла газету в руки, посмотрела на фотографию и пробежала глазами текст.

– Скверно все, что тогда было. Во время войны. Но никому больше не хочется ничего об этом знать. А почему именно в нашем городе?

Эдит Брунс сложила газету. Ева с удивлением посмотрела на мать. Она говорила так, как будто это имеет к ней какое-то отношение.

– А почему нет?

Мать не ответила. Вместо этого она встала и начала убирать грязную посуду. Лицо у нее стало жестким, «лимонным», как выражался Штефан. Эдит включила котел над мойкой, чтобы подогреть воду.

– Ты можешь сегодня помочь внизу, Ева? Или у тебя заказ?

– Да, могу. Перед Рождеством заказов кот наплакал. А начальник первым делом всегда звонит Карин Мельцер. Потому что у нее потрясающие лифчики.

– Тсс, – прошипела Эдит, покосившись на Штефана, который только осклабился:

– А не то я не знаю, что такое лифчик.

– А то я не знаю, – поправила его Эдит.

Вода в котле закипела. Эдит составила посуду в раковину. Ева снова развернула газету и дочитала статью до конца. Обвинения были предъявлены двадцати одному человеку, они служили в лагере на территории Польши. Процесс несколько раз откладывался. Главный подсудимый, последний комендант лагеря, тем временем умер, и теперь им стал его бывший заместитель, гамбургский торговец с безупречной репутацией. Организаторы процесса разыскали двести семьдесят четыре свидетеля. Утверждалось, что в лагере содержались сотни тысяч человек...

– Бух!

И Штефан выбил у нее газету – одна из любимых его проказ. Ева всякий раз сильно пугалась. Она отбросила газету в сторону и вскочила.

– Ну погоди!

Штефан бросился вон из кухни. Ева побежала за ним. Она гонялась за братом по всей квартире, наконец поймала его в комнате, схватила и объявила, что сейчас безжалостно раздавит его, как назойливую вошь. А Штефан с восторгом вопил и визжал, так что на буфете дрожали хрустальные бокалы.

На кухне Эдит все еще стояла у раковины. Вода кипела громко и беспокойно. Грязная посуда ждала в тазике. Но Эдит неподвижно смотрела на большие горячие пузыри, плывавшие за стеклом.

* * *

В это время в кабинетах прокуратуры царила атмосфера, как в театре перед премьерой. Давид Миллер, зайдя в коридор, попытался действовать спокойно и по-деловому, но его тут же захватила лихорадка: все двери были нараспашку, трезвонили телефоны, невзрачные девушки, пытаясь удерживать равновесие, несли горы папок или толкали по линолеуму скрипучие тележки с документами. По всему коридору лежали папки – темно-красные и черные, как костяшки домино. Из кабинетов выплывали клубы дыма, напомнившие Давиду борзых, которые, как в замедленной съемке, зависали над нервным хаосом и развеивались, прежде чем успевали погнаться за искусственным зайцем. Давид чуть не рассмеялся. Он ощущал неловкость, считал это неправильным, но был рад. Его взяли. Из сорока девяти студентов-юристов, желающих пройти здесь практику, было отобрано всего восемь. В том числе Давид, хотя он только в прошлом году сдал государственный экзамен. Давид Миллер постучал в открытую дверь кабинета заместителя генерального прокурора. Тот стоял у стола с телефонной трубкой в одной руке и тлеющей сигаретой в другой. Через запотевшие стекла во дворе был виден высоко взметнувшийся строительный кран. Продолжая разговор, светловолосый едва кивнул стажеру. При встрече каждый раз казалось, что он с трудом припоминал, кто такой Давид. Тот вошел.

– Продолжительность процесса зависит от председательствующего судьи, – говорил светловолосый в телефон. – А об этом человеке мне трудно что-либо сказать. Если он пойдет за общественным мнением, то все замнут и подвергнут сомнению. Тогда мы управимся за четыре недели. Но генеральный прокурор будет настаивать на обстоятельном исследовании доказательств. Лично я исходил бы скорее из четырех месяцев... Да, дарю. Можете написать.

Светловолосый положил трубку и от бычка прикурил следующую сигарету. Руки его не выдавали волнения. Давид не выдержал:

– Он объявился?

– Кто?

– Чудовище.

– Нет. И я бы предпочел, господин Миллер, чтобы вы воздержались от подобных оценочных суждений. Предоставим их публике.

Но Давид жестом отмахнулся от замечания. Он не понимал, как зампрокурора может сохранять такое спокойствие. Три месяца назад один из главных обвиняемых был освобожден от ареста по состоянию здоровья. И теперь они уже пять дней не могли найти его по месту регистрации. А в пятницу утром начинаются слушания.

– Но нужно же подключить полицию! Пусть ищут!

– К сожалению, у нас нет на то правовых оснований. Процесс еще не начался.

– Господи, да он же сбежит! Как все остальные, в Аргентину, еще куда-нибудь...

– Нам нужна эта девушка. Вчерашняя. Как ее звали? – перебил его светловолосый.

Давид неохотно пожал плечами, хотя знал, кого имеет в виду зампрокурора. Тот не стал дожидаться ответа.

– Они не выпускают Домбретски.

– Доммитски.

– Да, конечно. Вопрос обсуждается, но он сидит. В польской тюрьме. Урегулирование вопроса может длиться месяцами.

– Не думаю, что немецкая девушка подходит для столь ответственного задания. – Давид заговорил настойчивее. – Господин заместитель прокурора, мы ведь полностью зависим от переводчиков. А они могут наплести что угодно...

– Она принесет присягу. Посмотрите на дело с другой стороны: женщина успокоительно действует на свидетелей. А именно они нам и нужны – уверенные в себе свидетели! От них мы хотим все узнать, они должны все рассказать, их нервы должны все это выдержать! Так что отправляйтесь. Адрес помните?

Давид раздраженно кивнул и медленно вышел.

Светловолосый сел. Этот Миллер слишком ретив, прямо бьет копытом. Он слышал, что брат Давида погиб в лагере. Если это правда, ничего хорошего тут нет. Придется его заменить по причине пристрастности. С другой стороны, нужны такие заинтересованные молодые люди, которые дено и ночно перемалывают тысячи документов, сравнивают даты, имена, события, помогают поддерживать порядок в этой многоголосице. Светловолосый глубоко затянулся сигаретой, на мгновение задержал воздух и обернулся к окну, за которым выписывала круги стрела нечетко видного сквозь запотевшее стекло крана.

* * *

В полутемном, высоком зале «Немецкого дома» Ева мыла пол. Отец, который тем временем пробудился от своего сна красоты, надраивал кухню. Там играло радио. В зал доносился шлягер, под который Ева однажды танцевала с Юргеном. Петер Александер пел:

Поехали в Италию.

Юрген хорошо танцевал. И от него хорошо пахло – смолой и морским воздухом. Во время танца он крепко ее держал. Юрген всегда знал, что правильно, а что неправильно.

Ева сглотнула. В мыслях она отталкивала его от себя – с негодованием и горестью. Последние полгода он каждый день в одиннадцать часов звонил ей со своего рабочего телефона, а сегодня в первый раз не позвонил. Ева швырнула тряпку на пол. Если он не объявится до двух, она больше не будет с ним встречаться. А еще вернет ему все письма, браслет белого золота, перчатки из оленьей кожи, нижнее белье из ангорской шерсти (в ноябре у нее было двустороннее воспаление легких, и Юрген очень беспокоился), сборник стихотворений Гессе и...

Бум-бум-бум! Кто-то постучался в запертую входную дверь. Ева обернулась: мужчина, молодой мужчина. Это наверняка Юрген, который совершенно незапланированно, потому что его переполняют чувства, сбежал с работы, чтобы здесь и сейчас просить ее руки. На коленях. Ева отставила швабру, быстро сняла халат и пошла к двери. Все отлично. Но тут сквозь стекло она узнала вчерашнего грубияна. Давид Миллер. Ева раздраженно открыла дверь.

– У нас сегодня выходной.

Давид невозмутимо пожал плечами.

– Я по поручению... – Ева с удивлением отметила, что он не оставил следов на снегу, как будто подлетел к двери. – Меня прислал зампрокурора.

Помедлив, Ева жестом пригласила его войти. Давид переступил порог. Они встали у стойки. На кухне итальянский тенор вкладывал в голос всю томность, на какую был способен. Ева могла бы подпеть ему:

Я буду с тобой всю неделю.

– Переводчик не может въехать, по крайней мере, пока. Его сочли политически неблагонадежным, он должен решить свои проблемы. Нам нужна замена. В пятницу начинается процесс.

Ева опешила.

– Вы хотите сказать, я должна переводить?

– Я – нет. Я здесь по поручению.

– Да... А это как надолго? Неделя?

Давид почти с сочувствием посмотрел на Еву. У него были голубые глаза и левый зрачок больше правого. Может, виновато освещение, а может, природный дефект. От этого взгляд казался неустойчивым, ищущим. «И никогда он себя не найдет», – промелькнуло в голове у Евы, и она не увидела в этом никакого смысла.

– Вы уже говорили с моим агентством? С моим начальником, господином Кёртингом?

Но Давид словно не услышал вопроса. Он пошатнулся, как будто Ева его ударила, и облокотился на стойку.

– Вам нехорошо?

– Забыл позавтракать. Сейчас пройдет.

Давид глубоко задышал. Ева зашла за стойку, налила стакан воды из-под крана и протянула ему. Он отпил глоток. Взгляд его упал на противоположную стену, увешанную черно-белыми фотографиями с автографами. Мужчины и женщины, вероятно, местные знаменитости, актеры, футболисты, политики, посетители «Немецкого дома». Все они улыбались Давиду, представляя ему себя с лучшей своей стороны. Никого из них Давид не знал. Он выпрямился и поставил полупустой стакан на стойку.

– Позвоните по этому телефону. – Он протянул Еве визитную карточку, на которой было указано имя генерального прокурора, адрес и номер. – И, если согласитесь, выучите необходимые слова.

– Что вы имеете в виду? Военные термины?

– Все возможные термины для того, как можно убить человека.

Давид резко развернулся и вышел из зала. Ева медленно заперла за ним дверь.

Из кухни вышел отец – в белой куртке, темных брюках и колпаке, на плечо наброшено клетчатое кухонное полотенце. «Похож на клоуна, которому сейчас из пушки выстрелят в лицо спагетти с томатным соусом», – подумала Ева.

– Кто это был? Чего ему надо? Еще один ухажер, моя дорогая дочь?

Людвиг подмигнул, потом опустил у стойки на колени и принялся натирать полотенцем железную рейку, защищавшую дерево от ударов ног. Ева нетерпеливо потрясла головой:

– Папа, у вас правда только одно в голове! Это работа. Переводить в суде.

– Звучит серьезно.

– Процесс над офицерами СС, которые служили в этом лагере.

– Каком лагере?

– Освенциме.

Отец продолжал тереть рейку, как будто ничего не слышал. Ева с минуту смотрела на его затылок, где уже поределели волосы. Раз в два месяца она стригла отцу волосы на кухне. Он не мог сидеть спокойно и дергался, как мальчишка. Каждый раз это была мучительная процедура, но к парикмахерам Людвиг идти не хотел. Ева тоже их недолюбливала. Она, как маленький ребенок, боялась, что стричь волосы будет больно. Аннегрета называла ее страхи «нервным идиотизмом». Ева снова взяла швабру, тряпку, опустила ее в ведро, выкрутила. Вода почти совсем остыла.

* * *

Ближе к вечеру родители сидели в гостиной. Людвиг, как обычно, в левом углу дивана, Эдит в своем маленьком желтом кресле, плюш которого когда-то золотисто поблескивал. Пурцель свернулся калачиком в корзинке и по временам потягивал во сне. По телевизору шли новости, диктор зачитывал сообщения, сопровождающиеся мелкими фотографиями. Людвиг, как всегда, комментировал каждую новость. Эдит вытащила рукоделье. Она штопала оранжевую перчатку Штефана, которую якобы опять порвал Пурцель. Диктор принялся рассказывать о постройке самой крупной в ФРГ плотины. Всего четыре месяца строительных работ, и последняя брешь в трехкилометровой плотине на Рюстерзильских ваттах исчезла. На изображении была видна огромная груда песка.

– Рюстерзиль, – повторил Людвиг с тоской в голосе. – Помнишь, как мы ели там камбалу?

– Угу, – не поднимая головы, промычала Эдит.

– Во время пожара в картинной галерее Детройта погибло тридцать пять полотен испанского художника Пабло Пикассо. В пересчете ущерб составляет два миллиона марок, – читал диктор. Позади него появилась картина в стиле кубизма, которая на черно-белом экране не производила никакого впечатления.

– Почти шестьдесят тысяч за штуку! И почему только эти картины так дорого стоят.

– Ты ничего в этом не смыслишь, Людвиг, – откликнулась Эдит.

– Не-а, ну и ладно.

– По распоряжению министра внутренних дел Хермана Хёхерля бывший хауптштурмбанфюрер СС Эрих Венгер переведен из Федерального ведомства по охране конституции в Кёльн.

Задник за диктором был серым. Какой из себя Эрих Венгер, осталось непонятным. Брунсы молчали и дышали в одинаковом ритме. Последовал прогноз погоды, на экране появилась карта Германии с нарисованными на ней белыми снежинками. Опять будет снег.

– Ей нужно как можно скорее выйти замуж за этого Шоормана, – сказал Людвиг на ужасном северном диалекте.

Эдит помедлила, но потом все-таки ответила:

– Да, наверное, так будет лучше.

* * *

В особняке Шоорманов Юрген сидел за столом вместе с отцом и его второй женой. Ужидали здесь поздно, в половине девятого, такова была специфика рассылки товаров почтой. До самого вечера Юрген с сотрудниками работал над новым каталогом. Теперь он наблюдал за отцом, который сидел напротив и с подозрительным видом разрезал бутерброд с сыром. Отец становился все меньше. Он всегда был крупным мужчиной, а теперь совсем съезжился. «Как виноград, который на солнце превращается в изюм», – подумал Юрген. Бригитта сидела рядом с мужем, гладила его по щеке и накладывала ломтики сыра обратно на хлеб.

– Это швейцарский сыр, Валли, ты его любишь.

– Швейцария, по крайней мере, нейтральна.

Вальтер Шоорман осторожно откусил хлеб и принялся жевать. Иногда он забывал глотать. Тогда Бригитта подбадривающе ему кивала. «Просто милость Божья», – подумал про нее Юрген. Он не сомневался, что мать согласилась бы с ним. Первая фрау Шоорман, чье нежное лицо было изображено на нечеткой фотографии, стоявшей на серванте, погибла в марте сорок четвертого во время бомбежки. Юргена, которому тогда исполнилось всего десять лет, отправили на хутор в Альгой. Хозяйский сын рассказал ему, что его мать сгорела. Бежала по улице,

как горящий факел, и кричала. Юрген знал, что мальчишка хочет его помучить, но картину забыть так и не смог. Он возненавидел все. Даже Господа Бога. Чуть не сошел с ума.

А его отец в это время сидел в тюрьме. Гестапо арестовало его как члена Коммунистической партии летом сорок первого. Как-то рано утром, за два месяца до конца войны, он появился в Альгое. Приехал за сыном. Юрген вылетел из дома, обнял отца и, не отпуская его, так долго и громко плакал, что даже хозяйский сын в конце концов его пожалел.

Тогда Вальтер Шоорман ничего не рассказывал, да и сегодня не говорил о времени, проведенном в тюрьме. Но с тех пор как стала развиваться болезнь, он часто часами просиживал в маленьком садовом сарае на табуретке и смотрел в зарешеченное окно, как будто находился в заключении без надежды на освобождение. Когда Бригитта или Юрген обнимали его и хотели вывести, он упирался. Для Юргена это было загадкой, но Бригитта говорила, что, возможно, таким образом он хочет освободиться от пережитого.

Вальтер Шоорман сглотнул и задумчиво взял следующий кусок. Бутерброд с сыром ему нравился. Уникальное сочетание – коммунист, а потом крупный предприниматель – вызывало изумление. Он, однако, всегда подчеркивал, что после войны добился успеха именно благодаря социальным убеждениям. Он хотел помочь тем, кто все потерял во время войны, обеспечивая их дешевыми товарами. Дешевыми потому, что он обходил продавцов, экономил на реализации, аренде, сотрудниках и поставлял товар прямо в семьи. Торговая фирма «Шоорман» за десять лет разрослась, теперь в ней работало шестьсот пятьдесят человек, причем Вальтер Шоорман строго следил за соблюдением социальных гарантий и условий труда.

В середине пятидесятых он построил на склоне Таунуса дом, оказавшийся слишком большим. Многие комнаты не использовались, бассейн был наполнен водой только в первый год. После этого выложенная голубым кафелем ванная стояла пустой. Но когда пять лет назад Вальтер Шоорман женился вторично – на практичной, преданной ему женщине на тридцать лет моложе, которая, будучи манекенщицей, рекламировала на страницах каталога «Шоорман» нижнее белье, – в доме появился по крайней мере один человек, который получал удовольствие от роскоши. Бассейн снова наполнился водой, и Бригитта каждый день нарезала круги. В доме опять слегка запахло хлоркой. «Ева тоже не отказалась бы здесь жить и, наверно, плавать», – подумал Юрген.

Ева. Он знал, что она ждет его звонка. Но что-то его останавливало, он не мог или не хотел понять, что. С детства Юрген хотел стать священником. Простые обряды, одурманивающий запах ладана, роскошные облачения, казавшиеся бесконечно высокими церковные своды восхищали его. А Бог, конечно, есть. Верующая мать поощряла его склонность и, когда ему было всего пять лет, играла с ним в церковную службу. Она сшила ему сиреневую рясу и, когда он, стоя у стола в детской, декламировал: «О, Агнец Божий...», изображала паству и смиренно отвечала: «Осанна». Ему не разрешено было пользоваться только горящими свечками и благовонными палочками. Отец, убежденный атеист, добродушно высмеивал игру. Но когда незадолго до школьных выпускных экзаменов Юрген выказал намерение изучать богословие, между отцом и сыном возникли разногласия. Однако в конце концов Вальтер Шоорман уступил желанию покойной супруги. Юрген получил дозволение начать учебу. Правда, два года назад все изменилось. Отца больше нельзя было оставлять одного, при новых управляющих фирма несла чувствительные убытки, и Юрген оставил свои планы на жизнь ради отцовского дела жизни. Нужно сказать, когда он бывал честен с самим собой, представление о том, чтобы провести жизнь в celibate, вселяло в него неуверенность.

Ева. Она пару раз переводила для фирмы корреспонденцию с польскими поставщиками. Сначала ему понравились ее волосы, которые она вопреки господствующей моде стягивала пучком. Она вообще казалась старомодной и наивной. Позволил себя повести, подчинится мужу. Юрген хотел иметь с ней детей. Вот только он не знал, что будет, когда он скажет отцу, что у родителей Евы ресторан именно на Бергерштрассе. То, что Брунсы принадлежали еван-

гелической церкви, был как раз плюс. Но ресторан в «развеселом квартале»? Тут Ева может быть сколь угодно чистой и невинной, тут Юрген может сколько угодно повторять, что ресторан расположен в «нормальной» части улицы. Выше или ниже по улице – это, по представлениям отца, мог быть только дешевый кабак. Вальтер Шоорман являлся не просто предпринимателем-социалистом, а одним из редких образчиков целомудренного коммуниста.

– Юрген, что такого смешного? Может, посмеемся вместе?

Отец смотрел на него ясным взглядом, как будто какой-то канал в мозгу вдруг прочистился. Юрген отложил прибор.

– Знаешь, что Шурик хотел включить в каталог? Электрический прибор для того, чтобы перед варкой делать проколы в яйцах. Похоже, это последний писк в Америке.

Отец улыбнулся. Бригитта пожала плечами:

– Я бы купила.

– Ты все покупаешь.

Вальтер Шоорман взял руку жены, быстро, но нежно поцеловал ее и не отпустил.

Юрген поднял взгляд на заснеженный сад, похожий на парк. Снежные шапки на садовых фонарях. Неподвижные кусты. Нужно позвонить Еве.

* * *

Ева сидела за столом – прочным, солидным письменным столом – и сочиняла письмо Юргену. Она пыталась выразить свое негодование, разочарование, упрекнуть в вымогательстве и вместе с тем разжечь его любовь, желание – ее, ее тела и девственности (которая была уже в прошлом, чего Юрген не знал). Ничего не получалось. Она скомкала лист бумаги, с минуту растерянно посидела, а потом достала из кармана халата визитную карточку, которую дал ей Давид, и нерешительно повертела ее в руке. Тут в дверь постучали, и вошла Аннегрета в светло-розовом халате. Она была ненакрашена и непричесана. Ева обрадовалась передышке и положила визитную карточку на стол.

– Тебе не нужно в больницу?

– У меня выходной. Вчера отработала двойную смену. – Аннегрета тяжело уселась на кровать Евы, прислонилась к спинке, вытащила из пакетика, раздобытого в кладовке, сразу десяток соленых палочек и откусила. – У нас был младенец, мальчик, двухнедельный, чуть не умер, сильное обезвоживание.

– Опять?

– Да, уже совсем не смешно. Наверно, занесли какие-то микробы. Врачам наплевать на гигиену. И слушать ничего не хотят. Я восемь часов с ним просидела и все время вводила ему подсахаренную воду. По капельке. В конце концов оклемался. – Взгляд Аннегреты упал на скомканный лист бумаги. – Так и не позвонил?

Ева ничего не ответила. Аннегрета помялась и, вытащив из кармана халата колоду карт, призывно помахала ею. Ева села на кровать напротив сестры. Аннегрета быстро и умело помещала карты толстыми, но гибкими пальцами и, посопев, положила их на одеяло.

– Надо загадать вопрос. И снять.

Ева сосредоточенно сняла колоду. Аннегрета взяла кучку карт и определенным образом разложила их. Было видно, что занимается она этим не в первый раз. Ева заметила, что от сестры слегка пахнет потом. Аннегрета была чрезвычайно чистоплотна. Родители считали это расточительством, но она принимала ванну каждый день. И все-таки дух горохового рагу так и не выветрился. Ева с нежностью смотрела, как сестра серьезно раскладывает для нее карты. «Я тебя люблю», – хотела сказать она, но у них о таком не говорили. Кроме того, прозвучало бы как сострадание, сверху вниз. И Ева промолчала. Аннегрета еще раз залезла в пакетик с солеными палочками и с хрустом откусила. Жуя, она смотрела расклад:

– Дама пик сверху слева. Будешь королевой, женой миллионера. Если не завалишь все дело. Вот здесь семерка пик. Значит, ты все еще можешь запороть.

– Это сейчас особенно помогает, Анхен. Где же Юрген? О чем он думает? Он меня любит?

Аннегрета опять собрала карты.

– Помешай. Потом начинай выкладывать по одной. Двенадцатая – Юрген.

Ева мешала колоду так, будто от этого зависела ее жизнь, несколько карт вылетели. Она рассмеялась. Но Аннегрета оставалась серьезной. Потом Ева начала выкладывать карты, считая при этом до двенадцати.

– Почему ты считаешь по-польски?

– А это не считается?

– Да нет, считается, просто странно.

Перед двенадцатой картой Ева помедлила и посмотрела на Аннегрету.

– Знаешь, что действительно странно?

– Вся жизнь во всей ее протяженности?

– Я всегда умела считать по-польски. То есть еще до того, как пошла в школу переводчиков. Может, я в прежней жизни была полькой?

– Кому интересна твоя прежняя жизнь, дорогая моя? Показывай своего Юргена. Ну давай, смелее!

Ева перевернула карту. Это оказалась восьмерка червей. Ева в растерянности уставилась на нее. Аннегрета усмехнулась.

– Ну, сестрица, можешь делать все, что душе угодно, никуда он от тебя не денется!

– Да почему же?

– Масть – черви, сердце, восьмерка означает бесконечность.

– Могут оказаться и наручники, – сказала Ева.

– Так или иначе, но твои дни здесь сочтены. – Аннегрета пожала плечами, опустив взгляд, собрала карты и вдруг погрузилась.

Ева погладила ее по щеке.

– Дай мне тоже палочку.

Аннегрета подняла голову и криво улыбнулась.

Потом они лежали рядом в полумраке, дожевывали последние палочки и смотрели в потолок, на колышущегося Дон-Кихота.

– Помнишь, мы смотрели фильм в кинотеатре? – спросила Ева. – Как этот старик двинулся с копьем на мельницы и его захватило лопастями. Он крутился там на мельничном колесе и кричал. Это было так ужасно, мне просто плохо стало.

– Детям всегда жутко, когда взрослые теряют контроль.

– Аннегрета, взяться мне за этот заказ? Я имею в виду перевод в суде. Это...

– Знаю. Я бы не связывалась. Или ты хочешь поспособствовать распространению страшных сказок?

– Каких сказок? Ты о чем?

Вдруг Аннегрета онемела и словно окаменела. Она встала и, не сказав ни слова, вышла из комнаты. Ева прекрасно все знала. Сейчас пойдет на кухню и налопается до отвала.

В прихожей зазвонил телефон. Ева посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Сердце застучало. Она выскочила из комнаты и добежала до аппарата прежде матери. Это действительно был Юрген.

– Добрый вечер, Ева.

– Добрый вечер. Поздновато для звонка. – Она постаралась, чтобы это прозвучало прохладно, небрежно. Но вышло хрипло.

– У тебя все хорошо?

Ева молчала.

– Извини. Прости меня, пожалуйста. Но ведь это на всю жизнь.

– Я в курсе.

Они помолчали, потом Юрген спросил:

– Пойдем завтра в кино?

– У меня нет времени. Надо подготовиться к работе.

– К работе? Новый заказ?

– Долгая история. Я должна позаботиться о себе. Нельзя же вечно висеть камнем на шее у родителей. Нужно зарабатывать деньги.

– Я заеду за тобой завтра в семь.

Голос звучал строго. Ева положила трубку. Аннегрета, что-то жуя, вышла из кухни со свежим темным пятном на светлом халате и вопросительно посмотрела на Еву. Та в забавном отчаянии пожала плечами, но улыбнулась.

– Вот видишь, карты не врут, – сказала сестра.

* * *

На следующее утро Давид Миллер без поручения прокуратуры, без какого-либо официального разрешения, арендовав на целое месячное жалованье автомобиль, выехал на юг. Он ехал в Хемминген под Штутгартом. Там, согласно данным Ведомства правопорядка, проживал один из главных подсудимых, начальник политического отдела лагеря, чудовище. Давид прочитал все протоколы допросов и обвинения, имеющие к нему отношение, и классифицировал их. Если хоть малая часть прочитанного им являлась правдой, то этот сотрудник торговой фирмы не способен ни на какое человеческое чувство. Уже несколько дней прокуратура пыталась по телефону дозвониться до него. Тщетно. И это накануне процесса.

Давид мчался по заснеженной Южной Германии и чувствовал, что боится не зря, что подсудимый скрылся. Он ехал по полосе обгона, ехал слишком быстро. Ландшафт, холмы, леса, хутора по обе стороны трассы проносились мимо и по сравнению с канадскими просторами казались игрушечными. Один раз его занесло, и пришлось резко затормозить. Он заставил себя снизить скорость. «Если я сейчас разобьюсь на гитлеровском автобане, что ж, в этом будет известная ирония», – подумал он и улыбнулся.

Давид хотел объехать Гейдельберг, но очутился в самом центре города и запутался в лабиринте улиц. Он трижды проехал по мосту и, словно в страшном сне, увидел, как перед ним опять вырастает мощный замок, в то время как он полагал, что едет в правильном направлении. Давид не нашел в дорожном атласе карты города, выругался и хотел уже сдать эту немецкому городу, но тут на светофоре увидел перед собой машину с французскими номерами. Он поехал за этой неизвестной машиной в надежде, что она выведет его из города. И план удался, после часа бессмысленных плутаний он опять оказался в окружении лесов и полей.

В Хеммингене, маленьком сонном городке, он, опустив стекло, спросил дорогу у осторожно шедшего по снегу прохожего и скоро остановился на улице Танненвег у дома номер двенадцать. Это был аккуратный простой дом на одну семью в рабочем квартале – построен еще до войны, решил Давид. Как и соседние, выкрашен в белый. Вокруг тянулся темный балкон с пустыми ящиками для цветов. Машины перед гаражом не было. Давид вышел из автомобиля и пересек заснеженный палисадник. Таблички с именем он не увидел. Позвонил. За небольшим зарешеченным окошком в двери стояла тишина. Давид подождал и, осмотревшись, позвонил еще раз. В палисаднике перед домом росли безлистые растения. Розовые кусты, укутанные старыми мешками, были похожи на костлявые мумии. Казалось, они только того и ждут, как бы накинуться на него, стоит ему на мгновение утратить бдительность. Давид услышал, как в

доме хлопнула дверь. Он еще раз позвонил и на сей раз придержал палец на кнопке звонка. Дверь, закрытая на цепочку, медленно приоткрылась.

– Мужа нет дома.

Давид увидел изящное лицо темноволосой женщины лет шестидесяти, которая смотрела на него миндалевидными мутноватыми глазами. «Увядшая красавица», – подумал Давид.

– А где он?

– Вы кто?

Женщина недоверчиво смотрела на Давида.

– Речь идет о судебном процессе. Мы не можем дозвониться до вашего мужа...

– Вы иностранец?

На мгновение этот вопрос сбил Давида с толку.

– Меня зовут Давид Миллер. Я прохожу стажировку в прокуратуре.

– Тогда понятно, что вы за птица. Послушайте меня, господин Давид, – возмущенно проговорила женщина в щелочку. – То, что вы делаете, просто неприлично! Вся эта ужасная ложь, напраслина, которую вы возводите на моего мужа. Если бы вы знали, как мой муж всегда старался, что он за человек. Лучший на свете отец и лучший муж, какого только можно себе представить. Если бы вы познакомились с ним...

Пока дама распространялась о достоинствах мужа, Давид вспоминал рассказ одной свидетельницы, который они занесли в протокол для обвинения. Работая в лагере секретаршей подсудимого, она видела одного молодого заключенного, которого подсудимый номер четыре несколько часов допрашивал в своем кабинете. «Когда он с ним разделался, все было кончено. Это был уже не человек. Мешок. Кровавый мешок».

– Если вы не скажете, где он находится, мне придется уведомить полицию. Вы ведь не хотите, чтобы его забрала полиция? Как преступника – коим он не является, по вашим словам.

– Он ни в чем не виноват!

– Где он?

Женщина помедлила, затем раздраженно сказала:

– На охоте!

* * *

Двое мужчин медленно едут верхом по скалистому горному ландшафту. Яркое солнце, шумят водопады, хищные птицы с криком кружат в воздухе. На одном замшевый костюм с бахромой. Они похожи на старину. Разящая рука и его закадычного друга Виннету. Друзья едут молча, они начеку, все время осматриваются. Потому что где-то наверху, в расщелинах скал, подстерегают враги, которые только того и ждут, как бы сразить их метким выстрелом.

* * *

Ева и Юрген сидели во втором ряду кинотеатра «Глория», откинув головы на спинки кресел. Лучше мест быть не могло. Кинотеатр был забит до отказа. «Виннету, вождь апачей» только что вышел на экраны. После речей предстояла даже раздача автографов Ральфа Волтера, любимца публики, сыгравшего Сэма Хокенса. На лицах Евы и Юргена отражались пестрые тени с экрана. Вот опять закричал орел. Или гриф? Ева не разбиралась в хищных птицах. И тут грянул первый выстрел. Ева вздрогнула и с удовольствием подумала: «Такие великолепные выстрелы бывают только у Виннету».

Заиграла бурная музыка, и началось сражение...

Наконец добро победило, и Ева с Юргеном отправились бродить по освещенной рождественской ярмарке. Небо было черное, воздух ледяной. Во время разговора их лица окутывали облака пара. Жара югославских прерий казалась очень далекой. Ева отказалась от автографа Ральфа Вольтера, к тому же Юрген с большим удовольствием посмотрел бы новый фильм Хичкока «Птицы». Ева взяла Юргена под руку и рассказала ему о своем первом походе в кино. Это был «Дон-Кихот». Старик с воплями крутился на мельничном колесе. Она тогда испугалась, и отец тихонько утешал ее: таких сумасшедших очень мало. Отец всегда умел ее успокоить.

Юрген слушал вполуха. На одном лотке он купил два глинтвейна. Когда они встали друг напротив друга, он захотел узнать поподробнее про новый заказ. Ева рассказала. Она, правда, соврала и сказала, что уже согласилась. Юрген читал о процессе.

– Ева, ведь это может затянуться на целую вечность.

– Тем лучше. У меня понедельная оплата. – От половины глинтвейна она чуть опьянела.

Юрген был серьезен.

– И я бы не хотел, чтобы моя жена работала. Наша семья известна в городе, пойдут слухи...

Ева с вызовом посмотрела на него.

– О какой жене ты говоришь? Я решила, что все планы в прошлое воскресенье лопнули.

– Тебе не стоит больше пить, Ева.

– Моя семья недостаточно хороша для тебя, признайся!

– Пожалуйста, не начинай заново. Твои родители показались мне очень симпатичными.

Я поговорю с твоим отцом.

– И вообще, я не знаю, понравится ли мне, если я не буду работать. Я современная женщина.

Но Юрген продолжил:

– При одном условии: если ты откажешь прокуратуре.

Юрген смотрел на Еву темными глазами, которые так ей нравились. Взгляд был спокоен и уверен. Наконец он улыбнулся. Ева взяла его за руку, правда, не почувствовала тепла, поскольку сама была в перчатках.

Неподалеку заиграл духовой оркестр:

Пришло для нас время.

Посетители ярмарки останавливались и с чувством слушали. Но немолодые музыканты дули в свои инструменты с таким треском и фальшью, что Ева с Юргеном невольно рассмеялись. Они тщетно пытались остановиться. На каждой фальшивой ноте один из них снова начал смеяться и заражал другого. Наконец слезы выступили у обоих на глазах, хотя это была любимая рождественская песня Евы.

Позже, когда они пешком шли домой, она тихонько напела Юргену:

Пришло для нас время. Оно принесет нам большую радость. Мы идем по блестящему от снега полю, мы идем по большому, большому миру. Спят ручейки и море подо льдом, лес глубоко спит, ему снится сон. По тихо падающему снегу мы идем по большому, большому миру. Сияющее молчание высоких небес наполняет сердце блаженством. Под блестящим от звезд сводом мы идем по большому, большому миру.

Юргену нравилось, как Ева прижимается к нему, крепко за него держится. Он подумал, что если бы сейчас нужно было назвать его чувство к ней, он мог бы сказать: «Я люблю».

* * *

Давид пробирался на машине по лесной дороге и в конце концов забуксовал, заднее колесо угодило в выбоину. Дальше «Форд» ехать не хотел. Давид выключил мотор и вышел из машины. Ветер утих, небо было беззвездным, только холодно светил молодой месяц. Давид осмотрелся и заметил вдалеке слабое мерцание. Он поднял воротник и пошел на свет. Снег попадал в невысокие полуботинки и таял. Носки быстро промокли. Давид все шел. Он приблизился к простой хижине, окна которой были закрыты ставнями. В щели пробивался свет. Давид ничего не слышал, только легкий шум в вершинах деревьев. Он помедлил и без стука открыл дверь. Трое мужчин в зеленых охотничьих костюмах стояли вокруг подвешенной туши. Все трое посмотрели на дверь. Ни один из них, похоже, не испугался. Двое пили пиво из бутылок. У третьего, худощавого, с лицом старого шимпанзе, в руке был нож. Давид узнал подсудимого номер четыре. Тот как раз собирался выпотрошить косулю или что там висело на ввинченном в потолок крюке. Мог бы быть и человек. В любом случае похоже на кровавый мешок.

Обвиняемый вопросительно, но приветливо посмотрел на Давида.

– Что вам угодно?

– Меня зовут Давид Миллер. Я работаю в прокуратуре.

Человек кивнул, он как будто ожидал чего-то подобного. Один из его товарищей по охоте, мужчина с красным лицом, уже пьяный, угрожающе двинулся на Давида, но шимпанзе удержал его.

– Что вам угодно здесь, в лесу, в такое время? Процесс открывается только в пятницу.

– Мы несколько дней не можем до вас дозвониться.

– А ну-ка убирайся, парень, – сказал второй.

Давид не отводил взгляда от подсудимого.

– Я бы хотел, чтобы вы сейчас поехали со мной в город.

– Но это наверняка выходит за рамки ваших полномочий. Или вы можете что-нибудь предъявить?

Давид не знал, что сказать. Обвиняемый отложил нож, вытер руки дырявым полотенцем, висевшим на стене, и медленно подошел к Давиду, который невольно отпрянул.

– Я знаю, что мне нечего бояться. Я буду вовремя. Слово чести.

Он протянул Давиду правую руку. Давид посмотрел на нее. Обычная человеческая рука.

* * *

Чуть позже Давид, которого выставили из хижины, стоял в освещенном луной лесу, не зная, где его машина. Мокрые ноги замерзли. Он двинулся вперед и какое-то время, спотыкаясь, шел по снегу, затем остановился. Машины не было. А теперь исчезла еще и хижина. Давид стоял под густыми елями где-то в Германии. Тихонько зашумели верхушки деревьев. Давид поднял голову и посмотрел на кроны над головой. С некоторых ветвей падал снег. И тут вдруг от огромного количества преступлений, которые через три дня начнут подробно исследовать, он зашатался. Наглядно представил себе количество людей, которых придется судить. Это как если собрать все елочные иголки, что у него над головой. И каждый несет ответственность за затравленных, замученных, убитых людей. Ноги у Давида ослабели, затряслись, он опустился на колени и, сложив руки, поднял их над головой.

– Господи, сверши над нами суд Твой!

Через полчаса он, поплутав, нашел свою машину. С трудом выбрался из выбоины. Выехал с лесной дороги на главную. За это время ее успели очистить от снега. Давид поддал газу и устыдился своего падения на колени. К счастью, его никто не видел.

* * *

Новый день принес синее небо и новые рекордно низкие температуры. Ева, выспавшаяся, влюбленная, шла по улице к киоску. Отцу нужен был ежемесячный кулинарный журнал «Хороший вкус». Немолодая фройляйн Дравиц исчезла в глубине будки и, как всегда недомевая, принялась искать журнал. Тем временем Ева разглядывала выложенные на прилавок газеты. Все они на первых полосах сообщали о предстоящем процессе. Один особенно черный заголовок гласил: «Семьдесят процентов немцев не хотят процесса». Ева почувствовала угрызения совести: она даже не позвонила в прокуратуру. Она купила эту газету. И еще несколько.

Ева вернулась в пустую квартиру. Отец, как всегда по четвергам, поехал на оптовый рынок, мать в городе делала покупки к Рождеству, Штефан корпел в школе, а Аннегрета ухаживала в городской больнице за своими грудничками. Ева уселась за кухонный стол, разложила газеты и принялась читать.

Нужно наконец положить этому конец, писали газеты. Двадцать один подсудимый – это порядочные отцы семейств, дедушки, безобидные трудолюбивые граждане, все они без эксцессов прошли программу денацификации. Нужно с большей пользой распоряжаться налоговыми поступлениями. Даже державы-победительницы закрыли тему. «Когда история травой поросла, непременно появится глупый верблюд, чтобы ее съесть». В данном случае верблюд носил очки и прическу генерального прокурора.

Из гамбургской газеты Ева узнала, что польского свидетеля Йозефа Габора перед началом процесса нашел Давид Миллер, молодой юрист канадского происхождения. Габор должен был дать показания о первом применении «Циклона Б», газа, при помощи которого в лагере якобы умертвили около миллиона человек. В цифру, конечно же, закралась опечатка, Ева не сомневалась.

Всю вторую полосу занимали фотографии обвиняемых. Некоторые из них Ева уже видела в прокуратуре, но теперь могла спокойно, обстоятельно их изучить. Из корзинки матери со швейными принадлежностями она достала лупу и стала рассматривать лица. Одни подсудимые были толстые, другие худощавые, одни моложавые, другие морщинистые. Один человек ухмылялся, как шимпанзе в зоопарке, почти все носили очки, у некоторых были залысины. Один имел особенно грубую наружность – уши, как у летучей мыши, и вдавленный нос, другой – точеные черты лица. Самые разные человеческие лица. И чем больше хотела понять Ева, чем ближе рассматривала фотографии, тем больше лица дробились на черные, серые и белые квадратики.

Хлопнула входная дверь. На кухню вошла мать со Штефаном, которого она привела из школы. Он рыдал навзрыд, так как упал на улице и ссадил коленку. Мать поставила сумку с покупками и принялась ругаться:

– Я тебе говорила, не надо кататься на льду!

Штефан спасся бегством и оказался на коленях у Евы, которая осмотрела травму. Клетчатые брючки порвались, под ними была просто ссадина. Ева подула на неопасную рану. Взгляд Штефана упал на фотографии обвиняемых.

– Это кто? Футбольная команда?

Мать тоже подошла к столу и с минуту удивленно смотрела на множество газет. Поняв, что заинтересовало Еву, она одним движением сгребла все газеты, открыла дверцу печки возле плиты и засунула туда кипу.

– Мама! Что ты делаешь?

Лица поглотил огонь, они почернели, и пепел закружился по кухне. Эдит закрыла дверцу, прикрыла рукой рот и выбежала из кухни в ванную. Ева встала и пошла за ней. Мать стояла на коленях перед унитазом. Ее рвало. Ева растерянно наблюдала за ней. Подошел Штефан.

– Мама, что с тобой?

Мать встала и ополоснула над раковиной рот. Ева сказала Штефану:

– Ты ведь знаешь, что от запаха горелого маме иногда становится плохо.

Однако это не объясняло, почему Эдит сожгла газеты. Ева смотрела на нее. Эдит вытерла лицо полотенцем и сказала:

– Оставь прошлое в прошлом, Ева. Это лучше всего, поверь мне.

Вместе со Штефаном Эдит вернулась на кухню. Ева осталась в ванной. В зеркале над раковиной она увидела свое недоуменное лицо.

* * *

После обеда сестры пошли в город. Отец, выражаясь таинственными намеками и сопровождая их непонятными жестами, вручил им конверт с пятьюстами марок, хотя Эдит не было дома и они уже много недель назад договорились, что Ева и Аннегрета по поручению отца купят матери стиральную машину. Долгожданный рождественский подарок. В «Херти» им показали новую модель – автоматическую стиральную машину барабанного типа с верхней загрузкой белья и предварительной стиркой. Продавец поднял крышку и опять ее опустил, задвинул дозатор для порошка и опять выдвинул. Он серьезно объяснял, сколько белья можно постирать за один раз (пять с половиной килограммов), сколько это занимает времени (два часа) и каким чистым будет белье (новенькая машина). Аннегрета и Ева бросали друг на друга насмешливые взгляды: им было забавно, как хорошо этот мужчина разбирается в стирке. Тем не менее они заказали у господина Хагенкампа, как явствовало из наколки с именем, новейшую модель, получив заверение, что та будет доставлена и установлена еще до Рождества.

Когда они вышли из универмага, Ева заметила, что сначала мать вообще ничего не будет стирать – из-за холодов. Аннегрета возразила, что это касается только белого белья, потому что белые простыни воруют духи, а потом в течение года возвращают их в качестве саванов.

Они прошлись по рождественской ярмарке. Темнело. Аннегрете захотелось жареную сосиску. Ева тоже проголодалась. Они подошли к лотку Шиппера, хотя отец запретил им что-либо у него покупать: «Этот Шиппер подкладывает в сосиски опилки, особенно на рождественских ярмарках, я уверен на все сто! А как иначе он смог сколотить себе на дом в Таунусе?» Но сестры тем не менее любили сосиски Шиппера больше всего. Может быть, такими вкусными их делал именно запрет.

Ева и Аннегрета стояли друг напротив друга и с удовольствием жевали. Аннегрета сказала, что еще хочет купить подарок Штефану – книгу Астрид Линдгрен, которую она очень ценила. Аннегрета считала, что Штефан уже выходит из возраста, когда нужны далекие от реального мира сказки, которые читает ему Ева. И она рассказала о сыщике, про которого книга. Мальчишка, чуть постарше Штефана. Братик уже созрел. Но Ева ее не слушала.

Ей бросился в глаза пожилой бородатый мужчина, который медленно шел по ярмарке, словно боялся поскользнуться на снегу. На нем было легкое пальто и черная-черная высокая шляпа с узкими полями. В руках он держал маленький чемодан. Мужчина подошел к лотку с южными фруктами, где на заднике висел большой платок, на котором было нарисовано восходящее солнце. Он что-то сказал продавщице, но, очевидно, не был понят. Тогда он достал из кармана и показал бумагу. Женщина за прилавком еще раз пожала плечами. Человек настаивал, тыкал пальцем в бумажку, на лоток. Женщина стала кричать:

– Я вас не понимаю! Не доходит? Не-по-ни-ма-ю. Nix capito!

Она отмахивалась от него, но человек не уходил. К жене вышел хозяин лотка.

– Вы, Израиль, уходите! Давай отсюда!

Ева не была уверена, точно ли расслышала слово «Израиль», но оставила Аннегрету, которая не видела произошедшего и теперь удивленно смотрела ей вслед, и подошла к лотку, к человеку в шляпе.

– Я могу вам помочь? Can I help you? – И еще раз повторила тот же вопрос по-польски.

Человек раздраженно посмотрел на нее, а Ева посмотрела на бумажку у него в руке. Буклет пансиона «Солнечный». Эмблемой пансиона служило восходящее солнце, и Ева обратилась к хозяину лавки:

– Господин ищет пансион «Солнечный». Он решил, что уж коли у вас солнце...

Но лавочникам было неинтересно, что там решил господин.

– Он собирается что-нибудь покупать? – надулся хозяин. – Если нет, нечего тут торчать. Пусть катится в свой Израиль.

Ева хотела что-то возразить, но потом тряхнула головой и обратилась к пожилому человеку:

– Пойдемте, я знаю, где находится этот пансион.

Человек ответил ей по-венгерски, Ева узнала язык. Правда, поняла она не много. Речь шла о каком-то пансионе. Она на секунду оставила приезжего и вернулась к Аннегрете.

– Я отведу его в пансион.

– Зачем? Что он тебе?

– Анхен, он совсем беспомощный.

Аннегрета бросила на мужчину в черной шляпе беглый взгляд и отвернулась.

– Ну ладно, выручай бродягу. Я за книгой.

Ева вернулась к бородатому человеку, который неподвижно ждал ее, казалось, он даже не дышал. Она хотела взять у него чемодан, но он не дал. Ева взяла его под руку и повела к пансиону. Старик шел медленно, как будто ему что-то мешало изнутри. Ева обратила внимание, что от него слегка пахнет горелым молоком. Пальто в пятнах, поношенные тонкие полуботинки, он все время поскальзывался, так что Еве приходилось крепко его держать.

* * *

Пансион располагался на соседней улице. У узкой стойки Ева обратилась к владельцу, рыхлому мужчине, который, судя по всему, только что поужинал и теперь, не стесняясь, выковыривал зубочисткой остатки еды. Да, для некоего Отто Кона из Будапешта забронирован номер. Владелец пансиона с неприязнью осмотрел бородатого. Тогда тот вытащил портмоне, из которого торчали новенькие банкноты по сто марок, и достал паспорт. Владелец пансиона отложил зубочистку и потребовал оплаты за неделю вперед. Бородатый положил на стойку одну банкноту, получил ключ от номера восемь и пошел, куда указал ему хозяин. О Еве он, кажется, забыл.

Она смотрела, как Отто Кон стоит перед лифтом с трясущейся головой. «Как баран на новые ворота», – подумала Ева и, раздраженно вздохнув, подошла к беспомощному человеку, опять взяла его под руку, повела вверх по лестнице и отперла дверь под номером восемь.

Они вошли в маленькую комнатку с простой кроватью, небольшим шкафом из дубового шпона и оранжевыми занавесками, которые горели, как огонь. Ева в нерешительности остановилась.

Человек положил чемодан на кровать и открыл его, как будто в комнате больше никого не было. Сверху лежала фотография размером в половину почтовой открытки. Ева разобрала силуэты нескольких человек. Она кашлянула.

– Ну, всего доброго.

Человек в шляпе ничего не ответил.

– Спасибо не помешало бы.

Ева собралась уходить. Тут человек развернулся и сказал на ломаном немецком:
– Прошу прощение. Я могу сказать вам спасибо большое.

Они посмотрели друг на друга. В светлых глазах старика была такая пронзительная боль, какой Ева не видела еще ни у кого. Ей вдруг стало стыдно, она кивнула и осторожно вышла.

Отто Кон снова повернулся к чемодану, взял фотографию, посмотрел на нее и сказал по-венгерски:

– Ну вот я и приехал. Как вам и обещал.

* * *

В пятницу утром Еве пришлось помогать отцу на кухне. Он рассчитывал, что в четвертый адвент потребуется в три раза больше блюд, чем обычно. Кроме того, он за завтраком принял две обезболивающие таблетки, потому что в пояснице «мурыжило». Его сильно знобило, он чувствовал себя не в форме. Даже радио сегодня не включил. Бледный, он потрошил гусей, откладывая в кастрюлю для соуса внутренности, кроме печени.

Фрау Ленце, пожилая работница, чей муж был инвалидом войны и которая поэтому вынуждена была подрабатывать, молча чистила овощи для супа. Ева рубила красную капусту, пока у нее не заболела рука. Отец положил капусту, сало и гвоздику в огромную черную эмалированную кастрюлю, которую никто, кроме него, не мог поднять, и включил плиту. По кухне поплыли запахи.

Потом Ева разбила яйца, отделила белки от желтков и взбила белки в густую пену. Замешала две разные массы для пудингов: шоколадного и ванильного. К ним подавался компот из ревеня, сваренный матерью летом.

Все трое вспотели, воздух стал непроницаемым. И тут фрау Ленце, нарезая лук, глубоко поранилась. Она побледнела. Кровь из пальца капала на кухонный пол, вода из-под крана, под которую она подставила палец, окрасилась в красный. Но в конце концов кровотечение прекратилось, и Ева наложила фрау Ленце пластырь. При этом она посмотрела на наручные часы. Через сорок пять минут начинается процесс. Ева взялась дорезать лук за фрау Ленце, которая с сожалением сняла фартук. Людвиг кивнул ей:

– До трех я заплачу.

И обрадованная фрау Ленце с пульсирующей болью в пальце отправилась домой.

* * *

Большой зал дома культуры можно было использовать в самых разных целях. Стены покрывали светлые панели, пол устилал немаркий бежевый линолеум. На левой внешней стене вместо обычных окон были огромные, до потолка, стеклоблоки. Усаженный деревьями двор за ними пестрил колышущимися пятнами и призрачными тенями. Если смотреть на них, немного кружилась голова.

Обычно здесь проходили карнавальные заседания, спортивные балы и гастрольные спектакли. Только на прошлой неделе выступал брауншвейгский театр «Сцена комедиантов» с комедией «Генеральские брюки».

В пьесе шла речь об одном судебном процессе, в ходе которого расследовалось чрезвычайно пикантное происшествие. Публика благодарно смеялась всем двусмысленным шуткам, раздавались оживленные аплодисменты.

Настоящего судебного процесса эти стены еще не видели. Но поскольку зал городского суда не вместил бы все множество участников, выбор пал на дом культуры. И вот уже несколько дней рабочие стучали молотками, пилили, строгают, превращая помещение для светских увеселений в подобие зала судебных заседаний.

Зрительскую трибуну отделили от главной части балюстрадой, дабы подчеркнуть, что процесс проводится не для развлечения. Сцену затянули плотной бледно-голубой тканью, перед ней поставили длинный, тяжелый судейский стол. Места справа отвели для обвинения. Напротив них, у стеклянной стены, расставили три ряда столов со стульями – это была скамья подсудимых. В свободном пространстве между обвинителями и подсудимыми сиротливо стоял одинокий стол – для свидетелей и их переводчиков. Места участников процесса были снабжены маленькими черными микрофонами. Однако и за полчаса до начала процесса не все они работали. Техники лихорадочно подключали их и закрепляли последние кабели. Сотрудники прокуратуры толкали перед собой тележки с бесценными документами и раскладывали их на прокурорский и судейский столы. Двое служителей внесли метровый рулон и начали устанавливать подставку за судейским столом.

Молодой рыжеволосый человек расставлял на столы для подсудимых картонные таблички с номерами. Давид Миллер был так сосредоточен и погружен в это занятие, будто священнодействовал. Он сверялся по бумажке. О том, как рассадить подсудимых, спорили долго. Впереди должны были сидеть главные преступники, против которых были выдвинуты самые тяжкие обвинения. Сзади приготовили места для подсудимых, совершивших, по мнению обвинения, менее тяжкие преступления. «Если вообще можно говорить о менее тяжких преступлениях, – думал Давид. – Неужели убийство одного простительнее убийства пятидесяти?» Он посмотрел на часы. Без пяти десять. Сейчас восьмерых подсудимых на микроавтобусе должны вывозить из следственного изолятора. Тринадцать подсудимых не были заключены под стражу, некоторые выпущены под залог, как, например, богатый главный подсудимый, заместитель коменданта лагеря. Кто-то оставался на свободе по состоянию здоровья, как подсудимый номер четыре, который дал Давиду слово чести явиться сегодня в суд.

Служители тем временем смонтировали подставку и развернули рулон. Зал тут же наполнил запах свежей масляной краски.

* * *

– Да впустите же нас наконец, господин привратник!

– Мы стоим тут с восьми часов!

В фойе, перед входом в зал, толпились зрители, которые уже теряли терпение и хотели успеть занять места в первом ряду. Страж в темно-синей форме не пускал их. Сразу стало понятно, что стульев в зрительском отсеке не хватит. Служители несли светло-голубые штабелюемые стулья – по три.

Через боковую дверь в зал вошли двое мужчин в черных мантиях, один из них светло-волосый. Он имел воинственный вид, как будто ему предстояло сражение, китель под мантией казался доспехами. Второй мужчина был старше и полнее, его облачение ниспадало крупными бесформенными складками. На макушке у него совсем не осталось волос, а на бледном круглом лице резко выделялись черные очки в роговой оправе. Он споткнулся о шнур, но удержал равновесие. Это был председательствующий судья – человек, который должен вести процесс. Человек, который должен будет вынести приговор.

Судья и прокурор тихонько беседовали. Светловолосый объяснял, что они все еще ждут переводчика с польского, подтверждение того, что он выедет на следующей неделе, уже получено. По этой причине показания польских свидетельниц и свидетелей отодвинули на потом.

Давид тем временем расставил все таблички и подошел к собеседникам с намерением представиться судье. Он уже протянул руку, но, когда подошел ближе, светловолосый, как будто не узнав, повернулся к нему спиной и загородил путь. Давид опустил руку. Светловолосый остановил одного из служителей и дал указание. Тот отодвинул стол для свидетелей

подальше от скамьи подсудимых, при этом натянув шнур от микрофона. Тут же подскочил техник.

– Эй, да нельзя же так просто рвать! – начал ругаться он. – Ты знаешь, сколько я с ним возился?

Техник включил микрофон и постучал по нему указательным пальцем. Из усилителя послышалось душераздирающее «трррч-трррч». Все на мгновение замерли и обменялись испуганными взглядами. Микрофоны работали, в этом не было никаких сомнений.

– Ну, вот теперь мы все проснулись! – воскликнул кто-то.

И все рассмеялись.

В этот момент в толпе зрителей у дверей в зал появился сухопарый человек в безупречном темно-синем костюме. Он показал дежурному свои документы и официальное письмо. Тот вытянулся и щелкнул каблуками. Давид узнал сухопарого, и его пронзило чувство торжествующей ненависти, если такое сочетание возможно. Не узнанный публикой пришелец незаметно вошел в зал, сориентировался, прошел к скамье подсудимых и сел на свое место. Это был подсудимый номер четыре. Чудовище. Вынув из портфеля какие-то папки, записи и аккуратно разложив их на столе, он поднял голову. Заметив, что Давид наблюдает за ним, он кивнул ему, как старому знакомому. Тот быстро отвернулся, перехватив взгляд светловолосого, который заметил это приветствие. Зампрокурора быстро подошел к Давиду и тихо спросил:

– Вы знакомы?

Давид несколько помедлил, но затем признался, что ездил в Хемминген.

– Нам же нужно было знать!

– Поговорим об этом позже!

Зампрокурора сердито отвернулся и подошел к сухопарому человеку. Тот вежливо встал, и светловолосый объяснил ему, что подсудимые должны собраться вместе с защитниками в отдельном помещении, а затем вместе войти в зал.

– Я не нуждаюсь в защитнике, – коротко ответил подсудимый номер четыре, однако собрал со стола бумаги и вышел следом за светловолосым в боковую дверь.

На минуту Давид остался один в центре зала. Он посмотрел на развернутый рулон. Это была обзорная карта. В соответствии с планами и фотографиями художник по поручению прокуратуры выполнил аккуратную, симпатичную картинку. Был досконально воспроизведен даже шрифт над воротами главного лагеря. Верхний кружок буквы «В» в слове «Arbeit»¹ был крупнее нижнего. Один из свидетелей рассказывал, что так слесарь, изготавливавший надпись по заказу СС, выразил свой тайный протест.

* * *

В просторное, залитое светом, новенькое фойе, на каменном полу которого поскрипывали резиновые подошвы, прибывало все больше зрителей, они теснились к дверям. Можно было разобрать английскую, венгерскую, польскую речь. За стойкой торговали напитками и бутербродами. Слегка пахло кофе и копченой колбасой. Репортеры сгрудились вокруг узловатой фигуры генерального прокурора. Некоторые тянули микрофоны, другие строчили в маленьких блокнотах. Один молодой человек начал задавать вопрос:

– После четырех лет подготовительной работы...

– Вполне можно говорить о десяти годах.

– После десяти лет подготовительного периода вы открываете этот процесс вопреки общественному интересу. Господин генеральный прокурор, это ваша личная победа?

¹ Arbeit macht frei («Труд освобождает») – надпись над входом в лагерь Освенцим. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Если вы обернетесь, сударь, то убедитесь, что говорить о незначительном интересе едва ли возможно.

Другой репортер, повернувшись спиной к толпе, вещал в камеру с надписью «Вохеншау»:

– Двадцать один подсудимый, трое судей, шестеро присяжных, двое дополнительных судей, а также четверо прокуроров, трое частных обвинителей, девятнадцать защитников. Налогоплательщик вправе спросить: что же оправдывает такие расходы?

* * *

В чадной кухне «Немецкого дома» Ева опять посмотрела на часы. Десять минут одиннадцатого. Если она побежит, если успеет на трамвай, то будет как раз вовремя. Она смыла с рук луковый запах.

– Папа, основное сделано.

Людвиг обсушивал гофрированной бумагой последних гусей.

– Еще нужен фарш для гусей... Кто-то должен почистить каштаны, Ева.

– Но мне надо... в город. Немедленно.

Отец обернулся на Еву.

– И что же это так горит?

– Я не могу перенести встречу, – уклончиво ответила Ева.

Людвиг вопросительно взглянул на дочь, но та молчала.

– Подарки, что ли? И чего я сразу не догадался?

– Ну конечно, папа, ведь скоро Рождество.

– Пожалуйста, бросай своего бедного, старого, больного отца на произвол судьбы. Бессердечный ребенок!

Ева быстро поцеловала отца в потную щеку и выбежала из кухни. Людвиг остался один. Только тихо булькала красная капуста. У него появилось какое-то неприятное ощущение в животе. Страх. Непонятно почему. Людвиг смотрел на мертвую птицу – сухую и чистую. Наверно, эти чертовы таблетки. Желудок не принимает.

* * *

Ева, спотыкаясь, выскочила из ресторана, на ходу надевая клетчатое пальто, поскользнулась на снегу, удержалась, побежала дальше. Она не понимала, что ее гонит. Но она должна быть там, где будут зачитывать обвинение. Обязана! Кому обязана? Ответа не было.

* * *

Кроме нескольких служителей, в просторном фойе никого не осталось. Ева вошла. Пучок у нее скособочился, грудь болела, она задыхалась. Трижды прозвенел электрический гонг. Начали закрывать двери зала заседаний. Несколько человек, не попавших в зал, топтались у входа. Двое дежурных пытались их оттеснить.

– Будьте же благоразумны! Мест больше нет! Освободите проход!

Ева подошла и протиснулась вперед, хотя это было ей несвойственно.

– Пожалуйста, я вас очень прошу... Можно я пройду?

Дежурный с сожалением покачал головой.

– Простите, фройляйн, все места заняты.

– Это очень важно. Я должна быть там!

– Да, так многие считают...

– Послушайте, милочка, мы здесь стоим намного дольше вас!

На Еву посыпались упреки. Стоя прямо перед дверью, которую медленно закрывал дежурный, она заметила генерального прокурора, недалеко от входа беседовавшего с двумя мужчинами. Она замахала рукой:

– Господин генеральный прокурор! Эй, вы же меня знаете...

Но узловатый ее не слышал.

– Отойдите, или я вас защемлю!

Дежурный взял Еву за плечо и потеснил назад. Тогда она быстро нагнулась, прошмыгнула под его рукой и подошла к генеральному прокурору:

– Простите, я бы хотела присутствовать на открытии. Я была в воскресенье у вас в кабинете, переводила...

Прокурор осмотрел Еву и, кажется, вспомнил. Он дал знак дежурному у входа: все в порядке. Остальные не попавшие в зал принялись возмущенно кричать:

– Да как же так?

– Это потому, что она блондинка?

– Я специально приехал из Гамбурга!

– А мы из Западного Берлина!

Двери закрылись. Ева поблагодарила генерального прокурора, который, похоже, уже опять о ней забыл. Дежурный указал ей место с краю зрительской трибуны, сняв с него бумажку с надписью «Забронировано для прессы». Ева села, глубоко вздохнула и осмотрелась.

Она знала этот зал, несколько раз бывала здесь с матерью на театральных спектаклях, в последний раз – на «Генеральских брюках», дурацкой комедии, над которой они тем не менее смеялись. Эдит Брунс опять раскритиковала исполнительницу женской роли, назвав ее недоверной и ходульной. Ева знала, как матери хотелось попасть на сцену. Сама она была равнодушна к театру, на ее вкус актеры говорили и двигались слишком неправдоподобно, как будто всё хотели что-то навязать зрителям.

Ева попыталась сориентироваться. Где судьи? Где подсудимые? Она видела только темноволосые, седые, лысые головы; черные, серые, темно-синие костюмы; приглушенных цветов галстуки. Люди кашляли, шумно дышали, перешептывались. В зале уже было душно. Слабо пахло влажными пальто, мокрой кожей, резиной, холодным сигаретным дымом, кремом для бритья, одеколоном и хозяйственным мылом. К этому примешивался запах скипидара или свежей краски. Ева присмотрелась к соседке, женщине за пятьдесят с заостренным лицом в аккуратной фетровой шляпке. Она была напряжена и теребила коричневую сумочку. При этом у нее упали перчатки. Ева нагнулась и подняла их. Женщина поблагодарила ее серьезным кивком, открыла сумочку, засунула туда перчатки и защелкнула ее. Служитель объявил:

– Суд идет.

Все с шумом поднялись с мест, глядя, как трое мужчин в мантиях – председатель и двое судей – торжественно, будто священник с министрантами, проходят в зал через боковую дверь. «Только ладана не хватает», – подумала Ева. Председательствующий судья с лицом еще более бледным и круглым, чем прежде, на котором еще резче выделялись черные очки, занял свое место в центре судейского стола.

– Объявляю слушания по делу против Мулки и других открытыми, – заговорил он. Голос, более высокий и тихий, чем можно было ожидать от человека его комплекции, транслировался усилителями.

Он сел. Все остальные в зале тоже с шумом заняли свои места. Некоторое время устанавливалась тишина, наконец скрип стульев, шепот и шорохи улеглись. Судья ждал. Среди мужчин в черных мантиях справа Ева узнала светловолосого. Генерального прокурора не было. Ева глазами поискала Давида Миллера и, кажется, узнала его профиль за столом позади прокуроров.

– Суд зачитает решение об открытии судебного процесса, – сказал председатель.

Встал сидевший рядом с ним молодой судья – мантия болталась на его очень тонкой фигуре. Он заметно нервничал. В руках у него было несколько листов бумаги, остальные он положил на стол. Судья еще раз поправил листы, как следует прокашлялся, отпил глоток воды.

Когда кто-то на глазах у Евы готовился сказать речь, перебирал бумаги, она обычно боялась, что сейчас помрет со скуки. Но теперь испугалась другого. Ей вдруг вспомнилась сказка, в которой братик хочет напиться из заколдованного источника. «Кто из него отопьет, превратится в дикого зверя».

Молодой судья, похоже, совсем потерялся. Слева послышался короткий презрительный смешок. Там ведь скамья подсудимых? Так это подсудимые? На первый взгляд они ничем не отличались от остальных мужчин на зрительской трибуне – такие же выбритые, лощеные, с хорошими манерами. Правда, некоторые надели темные очки, как будто собирались заниматься зимними видами спорта. А на столах перед ними стояли картонки с отчетливыми номерами.

И тут Ева узнала мужчину с лысиной на макушке – это он на фотографии держал кролика. На карточке был указан номер – четырнадцать. Мужчина почесал толстый затылок и быстро кивнул маленькому человеку в темных очках в его ряду. Номер семнадцать ответил на приветствие.

Молодой судья заговорил так внезапно, что Ева и другие зрители вздрогнули. Он четко, сосредоточенно принялся зачитывать текст. Его голос транслировал маленький черный микрофон, стоявший на столе. Он раздавался со всех сторон. Ева без труда понимала каждое слово. Она слушала и пыталась понять, что читает молодой судья.

Выходило, что слева сидели сотрудник центра экспортной торговли, главный кассир областной сберегательной кассы, два сотрудника торговых фирм, дипломированный инженер, торговец, фермер, завхоз, истопник, медбрат, рабочий, пенсионер, гинеколог, два дантиста, аптекарь, столяр, мясник, инкассатор, ткач и изготовитель фортепиано. И они вроде как несут ответственность за гибель сотен тысяч невинных людей.

Ева сложила руки, как в церкви, но тут же их опустила. Положила руки на колени, опустила глаза, и вдруг ей показалось, что обвиняют ее. Она подняла голову к потолку, с которого свисали стеклянные шарообразные светильники. Может, так на нее никто не обратит внимания. Ева медленно переводила взгляд. Соседка с мышинным лицом сидела очень прямо, держа сумочку на коленях, и не переставая крутила потертое золотое обручальное кольцо.

У мужчины в переднем ряду был широкий затылок, весь в маленьких красных прыщах. Женщина слева от него совсем сникла, как будто из нее по капле вытекла жизнь. Молодой полицейский у входа в зал дышал ртом. Вероятно, простужен. Или у него полипы, как у Штефана.

Ева посмотрела прямо, на карту за судейским столом, над которым, как восходящая луна, светило лицо председательствующего судьи. Карта была похожа на план кладбища: нежно-зеленый газон, аккуратные ряды красно-серых надгробных плит. На таком расстоянии Ева не могла разобрать подписи. Она перевела взгляд налево, к стене со стеклоблоками. За окнами, как пьяный великан, плясала какая-то тень, которая вдруг рассеялась, как дым.

В зале раздавался голос молодого судьи. Ева обхватила себя за запястья. Нужно за что-нибудь держаться. «Но это же все неправда!» Ей захотелось встать, возразить, протестовать. Или уйти, а лучше убежать. Но, как и все остальные, она продолжала сидеть и слушать. Молодой судья как раз зачитывал подробные обвинения против подсудимого номер четыре. Казалось, им не будет конца. Согласно обвинению, сотрудник торговой фирмы производил селекцию заключенных, бил их, издевался над ними, пытал, забивал до смерти, расстреливал, забивал палкой, штакетиной, прикладом, разбивал головы, затапывал, пинал ногами, сек, травил газом. В бараках, на лагерных улицах, на плацу, на месте казни – у так называемой черной

стены, у себя в кабинете, в лазарете. В помывочном отделении одиннадцатого блока он двумя выстрелами застрелил секретаря – узницу Лилли Тоффер. Предварительно он несколько дней водил ее к черной стене и инсценировал казнь, наконец она на коленях стала умолять его пристрелить ее.

Ева нашла глазами обвиняемого номер четыре. Он показался ей похож на господина Водтке, постоянного клиента «Немецкого дома», который приходил по воскресеньям с семьей и всегда старался, чтобы жена и дети остались довольны заказанными блюдами. Он разрешал своим воспитанным детям мороженое на десерт и оставлял приличные, иногда даже слишком большие чаевые.

Ева не хотела верить, что сухопарый человек с лицом старого шимпанзе все это проделывал. Он следил за обвинениями против себя без какой-либо заметной реакции, замерев с приподнятыми уголками рта. Как и предыдущий подсудимый, он производил впечатление человека, вынужденного слушать занудный доклад на совершенно неинтересную ему тему. Со скукой, нетерпением, раздражением, но слишком хорошо воспитанный, чтобы просто уйти.

Ева видела: все звучащие обвинения, дойдя до скамьи подсудимых, будто падали в вату. Только изредка кто-либо из подсудимых скрещивал руки, откидывался на спинку стула, шепотом обращался к защитнику или помечал что-то в бумагах. Медбрат, номер десять, особенно ревностно писал что-то в маленький толстый блокнот, перед каждой записью облизывая кончик карандаша.

Через два с половиной часа молодой судья дочитывал последний лист. Лицо над черной мантией было белым как простыня.

– Существуют обоснованные подозрения в том, что подсудимые виновны в вышеизложенных деяниях. На этом основании по запросу прокуратуры против них открыто судебное производство судом, состоящим из трех профессиональных судей и шести присяжных.

Молодой судья сел. Его речь оборвалась резко и неожиданно, наступила полная тишина. Никто больше не кашлял, не сморкался. Все сидели, как будто здесь и сейчас могла прекратиться любая жизнь. Стоит только выключить верхний свет.

Ева почувствовала, как по спине стекает капля пота. Ей казалось, она больше не сможет говорить, не сможет дышать. Но это длилось лишь мгновение. Затем поднялся шепот. Председатель, наклонившись к одному из судей, что-то тихо ему сказал. Вполголоса переговаривались прокуроры. Защитники отвечали на тихие вопросы подзащитных. Свистело и гудело отопление.

В передних рядах один человек заплакал, его было не слышно, лишь плечи слегка вздрагивали. Сзади он был похож на того бородатого венгра. Только без шляпы. «Хотя, может быть, шляпа у него на коленях», – подумала Ева. Однако, когда человек стал вытаскивать из кармана брюк носовой платок и на секунду повернулся к Еве в профиль, она поняла, что это не венгр, нет, другой человек.

– Подсудимые, вы заслушали обвинения, – сказал председатель в микрофон. – Предлагаю вам слово.

Зрители подались вперед, приготовившись услышать ответ. Кто-то выгнул шею, кто-то открыл рот. Давид Миллер смотрел, как медленно поднимается главный подсудимый, номер один, уважаемый гамбургский торговец в темно-сером костюме с хорошим галстуком, который после коменданта играл в лагере главную роль. Давид знал, что этот человек с лицом хищной птицы живет в гостинице «Штайгенбергер». В номере люкс, где он утром наверняка принял горячую ванну. Чистоплотный подсудимый обратил взгляд на председательствующего судью и сказал:

– Не виновен.

Одновременно кто-то рядом с Евой прошептал со зрительского места, так, что слышно было только ей:

– Не виновен.

Ева быстро повернулась к соседке. Лицо женщины в шляпке покрылось красными пятнами. Она уже не крутила кольцо. От нее слабо пахло потом и розами. Вдруг Ева подумала: «Я ее знаю». Но это было невозможно. С ней, должно быть, истерика. Ничего удивительного после таких ужасов. После всего, что она только что услышала. После того, в чем обвиняют этих людей, числом двадцать один, которые сидят впереди слева с безучастным видом. Хотя теперь они вставали и произносили:

– Не виновен.

Один за другим. Обвиняемый номер десять, медбрат, единственный, как решила Ева, похожий на убийцу – вдавленный нос, узко посаженные глаза, – встал и громко прокричал в сторону зрительских трибун:

– Меня любят пациенты! Они называют меня папой! Спросите любого! Все обвинения основаны на путанице и лжи!

Он сел. Несколько подсудимых выразили ему свое одобрение, постучав костяшками пальцев по столам. Судья строго потребовал тишины и дал знак служителю. Тот подошел к стене со стеклоблоками, оборудованными приспособлениями, благодаря которым их можно было приоткрыть. Служитель открыл окна, и в высокое помещение поплыл холодный воздух. Тем временем вставали другие обвиняемые.

– Не виновен.

– Не виновен.

– Не виновен в том смысле, как утверждает обвинение.

Самый молодой среди них, который, согласно результатам расследования прокуратуры, убил несколько человек голыми руками, также заявил, что невиновен. Однако при этом покраснел. Снова сев на свое место, он нагнулся, словно хотел проглотить стоявший перед ним микрофон, и тихо что-то сказал. В усилителях зашипело, слова можно было разобрать с трудом.

– Мне стыдно.

Некоторые из подсудимых презрительно покачали головами. А следующий, предпоследний, тем решительнее прогремел:

– Я не позволю ни в чем меня обвинять!

Тут на зрительской трибуне громко зарыдала женщина. Она встала, протиснулась мимо сидящих и нетвердым шагом вышла из зала. Послышались громкие голоса. Ева разобрала польскую речь.

– Kłamiecie! Wszyscy kłamiecie!

Вы лжете. Вы все лжете.

– Tchórze!

Труссы.

– Oprawca!

Убийцы.

Председательствующий судья постучал по столу и сказал:

– Тишина! Тишина в зале, или я велю очистить зрительские трибуны!

Все затихли. Встал последний подсудимый, аптекарь. Он хотел обратиться к судьям, но, прежде чем успел что-то сказать, в наступившей тишине с улицы прозвенел оглушительно резкий, длинный звонок. Послышались возбужденные, громкие, перекрывающие друг друга голоса, крики, визг, писк. Ева вспомнила, что за домом культуры находится школа. Она посмотрела на часы. Там сейчас, скорее всего, вторая большая перемена. Это дети, они играют.

– Не виновен, – повторил вслед за остальными облаченный в дорогой костюм аптекарь и сел.

* * *

На второй перерыв в раннюю смену Аннегрета пошла в сестринскую. Она сидела за белым резопаловым столом и, листая модный журнал, пила черный кофе. Журнал совсем истрепался, он помогал сестрам коротать время уже больше года. «Мода уже вышла из моды», – подумала Аннегрета. А на ее фигуре эти приталенные платья и пиджаки все равно смотрелись бы смешно. В свободное от работы время Аннегрета ходила в спортивного кроя брюках и длинных бесформенных свитерах – и все. На работе ее бедра обтягивал бело-голубой халат, а на большой круглой голове сидел крошечный белый чепчик. Но она была миловидна.

Аннегрета маленькими глоточками пила кофе, как всегда находя, что он ужасно горький и не доставляет никакого удовольствия, а маленький транзистор на металлическом шкафу, где хранились бинты, хрипло сообщал новости. Какой-то мужчина говорил о важном для немцев дне. О процессе века. О смене вех. Аннегрета не слушала. Она перелистнула страницу и начала читать любовный роман месяца, хотя знала его наизусть. Некрасивая секретарша, которая носит уродливые очки и мешковатые платья и влюблена в своего начальника, отпетого холостяка, встречается на улице школьную подругу, помешанную на роскоши, и идет с ней в магазин, потом в парикмахерскую, потом за очками. Наконец секретарша превращается из гадкого утенка в прекрасного лебедя. Но вся штука в том, что на следующее утро начальник ее не узнал. Зато узнал посыльный, который каждый день приносил почту. И вот она рыдает в конце коридора, а добрейший молодой человек ее утешает. Аннегрета даже не знала, кого ей в этой истории больше презирать – глупую секретаршу, которая не могла самостоятельно одеться, наглую подругу с безупречной прической, отпетого начальника, который ничего не видит и не понимает, или идиота-посыльного, который заговаривает с женщиной, только когда та принимается плакать.

Аннегрета подумала о сестре и этом навороченном пижоне. Она точно знала, что они еще не спали. И считала это ошибкой. В таких ситуациях о человеке узнаешь все. Хотя Аннегрета была полненькая и имела трудный характер, она могла похвастаться несколькими романами. Все ее мужчины были женаты.

В дверях появилась строгая пожилая медсестра Хайде, которая иногда выносила ревущих младенцев в кладовку для инвентаря и оставляла их там, пока они не засыпали от изнеможения.

– Вот она. Наша сестра Аннегрета.

За сестрой Хайде в сестринскую вошла молодая женщина в зимнем пальто. Широко улыбаясь, она большими шагами подошла к Аннегрете. В коридоре слегка покачивалась темно-коричневая коляска, из которой доносился благодушный лепет.

– Я хотела вас поблагодарить.

Тут Аннегрета поняла и встала.

– Вы сегодня забираете Кристиана?

Кивнув, молодая счастливая мать протянула Аннегрете плоскую коробочку, завернутую в красную шелковую бумагу.

– Я понимаю, это ничто по сравнению с тем, что вы сделали.

Наверно, конфеты. Может быть, с коньячной начинкой. Иногда в качестве благодарности за хороший уход случался фунт кофе или копченая колбаса. Аннегрета получала подарки намного чаще, чем другие сестры. Но и то сказать, она полностью посвящала себя нелегкой работе, забывала расписание, не спала до тех пор, пока состояние малыша не начинало улучшаться. За пять лет, что Аннегрета работала в детском отделении, у нее умерли всего четверо детей. И по ее мнению, так было лучше, так как этим детишкам после временного улучшения пришлось бы вести жизнь инвалидов или идиотов. Или и то и другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.